

Виктор Алеветдинов

Орден Чёрного Журавля

♦ Печати Небесной крови ♦

♦ Книга 6 ♦

Историко-мистический боевик

18+

Виктор Алеветдинов

**Орден Чёрного Журавля.
Печати Небесной крови. Книга 6**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Орден Чёрного Журавля. Печати Небесной крови. Книга 6 /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Орден Чёрного Журавля убивает не преступников, а тех, кто однажды может ими стать. Его списки веками считались безошибочными — пока в одном из них не появилось имя Глеба Воронца. Через девяносто семь дней он должен уничтожить две столицы. Глеб не помнит части собственной жизни. Ли скрывает слишком многое. А каждая прочитанная строка не просто предсказывает будущее — она подталкивает людей к нему. Чтобы выжить, им придётся найти того, кто пишет приговоры, и понять, можно ли остановить зло, не став его причиной. Но у Чёрного Журавля есть свой закон: если будущее опасно, невиновного можно убить заранее.

Содержание

Часть I. Список будущих мёртвых	5
Глава 1. Бумажные журавли над крышей	5
Глава 2. Почерк мёртвого брата	10
Глава 3. Сон с двумя столицами	15
Глава 4. Перевод слова «будет»	20
Глава 5. Мост, который знает шаг	26
Глава 6. Брат, которого похоронили	31
Глава 7. Правда, отложенная ради него	35
Глава 8. Девяносто семь дней	41
Часть II. Брат без прошлого	46
Глава 9. Цена возвращённого брата	46
Глава 10. Дорога, которая читает путника	51
Глава 11. Убийство, спасшее уезд	56
Глава 12. Рука, писавшая чужое будущее	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Алеветдинов

Орден Чёрного Журавля.

Печати Небесной крови. Книга 6

Часть I. Список будущих мёртвых

Глава 1. Бумажные журавли над крышей

Первый журавль упал в овёс. Бумажная фигурка скользнула между досками кормушки и задела морду серого мерина. Конь вскинул голову, дёрнул повод и ударил копытом по стенке стойла. В соседних денниках заржали другие лошади.

Глеб поднял журавля двумя пальцами. Бумага была плотной, казённой, с синей нитью внутри. На крыле темнели три знака. Он не знал их, но последний напоминал согнутую стрелу. Над двором свистнуло.

Глеб бросил фигурку и пригнулся. Стрела вошла в столб у его виска. Вторая пробила край навеса. С крыши постоянного корпуса посыпался снег, и за белой пылью мелькнул человек в сером халате.

— В конюшню! — велел Глеб.

Во дворе сразу стало тесно. Погонщики тянули верблюдов к воротам, хозяин караван-сарая пытался закрыть лавку. Стрела вошла в сундук, который двое купцов волокли в разные стороны. Оба отпустили добычу и побежали. Боро выскочила из-под навеса с луком.

— На южной крыше трое. Ещё один у кухонной трубы.

Глеб увидел блеск наконечника и толкнул Боро за каменный желоб. Стрела прошла над её плечом.

Ли стояла у двери конюшни. В одной руке она держала нефритовую пластину, в другой — короткий клинок. Она смотрела не на стрелков, а на бумажных журавлей, которые падали на снег.

Один раскрылся у ног старого погонщика. На внутренней стороне крыла проступила чёрная линия, повернула к колодцу и закончилась у опрокинутой бочки. Погонщик метнулся туда. Стрела вошла в бочку прежде, чем он успел спрятаться. Глеб схватил старика за ворот и повалил за низкую стенку.

— Они отмечают путь, — сказала Ли.

— Я заметил.

— Ты увидел стрелу. Смотри на бумагу.

Новый журавль лёг на край навеса перед Глебом. На крыле появилась линия: два шага влево, прыжок через корыто, затем тёмная точка у двери конюшни.

Глеб хотел добраться до кухни и выбить стрелка. Но из стойла вырвался испуганный жеребец, понёсся через двор и отрезал прямой путь.

Глеб шагнул влево. Первый шаг совпал с линией. Он остановился. С крыши выстрелили туда, где он должен был оказаться после прыжка. Стрела стукнула в край корыта.

— Нас туда гонят, — сказал он.

Ли подняла пластину. На её поверхности дрогнуло отражение бумажного крыла.

— Линия показывает допустимый ход. Стрелки закрывают остальные.

— Дадим им больше ходов.

Глеб сорвал с очага железную крышку и швырнул её в трубу. Крышка ударила по кирпичу. В кухню посыпалась сажа, дым повалил под навес и закрыл половину двора.

— Савва! Открывай заднюю дверь конюшни!

— Она заперта снаружи!

— Поэтому и открывай.

— Сразу бы сказал, что нужен человек с топором.

Савва исчез в дыму. Через миг донёлся первый удар.

Глеб перерезал привязь у двух выючных лошадей и хлопнул ближайшую по крупу. Животные рванули вдоль стены, сбили лестницу и заставили стрелка у трубы отступить. Боро выпустила стрелу. Серый рукав исчез за краем крыши.

У двери конюшни показался человек в тёмной маске. Он двигался низко, прикрываясь щитом с наклеенным бумажным журавлём.

Глеб подхватил коромысло и ударил по нижнему краю щита. Маска качнулась. Боро налетела сбоку, зацепила нападавшего за колено и свалила в снег. Тот потянулся к рукаву, но Глеб прижал запястье сапогом.

— Живым, — напомнил Савва из конюшни.

— Помню.

— Тогда не наступай на ту руку, которой он должен отвечать.

Задняя дверь затрещала. В досках появилась щель.

Со стороны ворот раздался хлопок. Нападавшие бросили порошок в жаровню, и дым стал гуще. Лошади заметались. Одна повалила перегородку, люди у входа в конюшню отступили внутрь.

Глеб увидел на снегу ещё одного журавля. Чёрная линия вела к той же двери.

Он понял замысел. Враги загоняли его в одно место.

На крыше над воротами двое стрелков сменили позиции одновременно. Один закрыл проход к колодцу, второй — к гостевому корпусу. Между ними упал новый журавль. Он раскрылся раньше, чем люди во дворе повернули к свободной стене. Глеб запомнил это. Бумага не повторяла сделанный выбор. Она предлагала его, а стрелки превращали предложение в единственный выход. Хозяин караван-сарая высунулся из-за лавки.

— Вы за постой ещё не заплатили!

— Если выживем, заплатим, — ответил Савва.

— А если нет?

— Тогда требуй с тех, кто на крыше. У них одежда дороже.

— Внутрь не заходить! — велел Глеб.

Поздно. Люди хлынули в конюшню, спасаясь от стрел. Ли оказалась у порога. Глеб добрался до неё через дым и схватил за локоть.

Она высвободила руку. В бою принимала его помощь без споров, но прикосновения без необходимости по-прежнему встречала коротким движением в сторону. Глеб знал причину слов других. Собственной памяти об их близости у него не осталось.

— На крышу, — сказала Ли. — Нити идут туда.

Под карнизом блеснул шёлк. Нити тянулись от бумажных фигурок к слуховому окну. На снегу их выдавали капли воды. Глеб передал пленного Савве.

— Свяжи ему пальцы.

— Остальное оставить?

— Пока да.

Боро затянула ремень на запястьях пленного. Глеб вошёл в конюшню и полез по кормовой лестнице на чердак.

Наверху пахло сеном и мышами. Между стропилами висели шёлковые нити. Они сходились у дальнего окна, где человек в серой одежде уходил на крышу.

Под сапогом Глеба хрустнула дощечка. Из темноты вылетел журавль, ударил его в грудь и раскрылся. На бумаге было нарисовано слуховое окно и рука, цепляющаяся за правый край рамы.

Правый край выглядел надёжнее. За него Глеб бы взялся.

Он ударил рукоятью меча по левому. Доска вылетела наружу вместе со снегом. Глеб просунул меч и задел прятавшегося сбоку стрелка. Тот вскрикнул и покатился по скату.

— Не угадали, — сказал Глеб и скомкал журавля.

Он выбрался на крышу. Черепица под снегом была мокрой. Нападавшие уходили по соединённым постройкам. Двое прикрывали человека в чёрной маске. Тот держал под мышкой свиток в жёстком футляре.

Глеб пошёл за ним, ставя ноги на места, где снег был сбит. Слева поднялся стрелок. Глеб метнул короткий нож. Стрелок дёрнулся, стрела ушла вверх. Снизу Ли провела клинком по шёлковой нити.

Нить лопнула. Бумажные журавли над двором потеряли форму и упали в снег. На крыше перед Глебом погасла чёрная линия. Человек со свитком обернулся.

— Теперь идёшь сам, — сказал Глеб.

Командир прыгнул на соседнюю крышу, поскользнулся на обледенелом краю, но удержался. У слухового окна показалась Ли. Она резала вторую связку нитей. Один из нападавших бросился к ней.

Глеб сменил направление, ударил противника плечом и прижал к скату. Тот вывернулся, но Ли провела пластиной над его рукавом. Знак на ткани распался. Рука убийцы на миг ослабла, и Глеб сбросил его в сугроб между постройками. Командир стоял у края крыши и ждал.

— Клади свиток. Маскуними левой рукой.

Тот поднял обе руки. Футляр выпал на черепицу и покатился вниз. Глеб наступил на него и ударил мечом по запястью противника.

Нападавший не отступил. Он рванулся вперёд и прижал окровавленную ладонь к футляру. Крышка раскрылась. Свиток выскользнул и коснулся сапога Глеба.

Командир улыбнулся под маской. Глеб схватил его за ворот и ударил о крышу.

— Что вам нужно?

— Чтобы ты прочёл.

— Кто послал?

Мужчина открыл рот, но из-под языка выдвинулась стальная игла. Он попытался зажать её зубами. Игла вошла глубже.

Ли опустилась рядом и разрежала ворот его одежды. Под кожей на шее двигалась тёмная точка.

— Не трогай. Игла связана с раной.

Глеб удерживал командира, пока тело не обмякло.

— Он дал себя ранить, — сказал Глеб.

— Ему требовалась твоя кровь рядом со свитком.

— Крови на мне нет.

Ли посмотрела на его щиколотку. Черепица рассекла кожу. Капля стекла на край бумаги.

— Теперь есть.

Они спустились в конюшню. Во дворе тушили жаровню. Пленный лежал у стены со связанными руками. Боро сидела рядом и держала нож у его рукава.

— Живой? — спросил Глеб.

— Пока сердится.

Савва поднял голову от раны пленного.

— Он хотел проглотить иглу. Теперь обижен на меня и на устройство мира.

Ли велела освободить дальний денник. На доску положили свиток. Футляр она отодвинула ножом. Глеб остался у входа. Бумага лежала спокойно, и это тревожило больше, чем кровь на краю.

— Никому не читать целую строку, — сказала Ли. — Савва, только отдельные знаки. Я закрою остальные.

Она разложила по краям четыре нефритовые пластины. Бумага натянулась. Чернила в верхней строке дрогнули и поползли к середине.

— Птица, — прочёл Савва. — Чёрная. Крыло. Потом знак человека, отмеченного для суда.

— Здесь другой ключ. Читай следующий.

Савва наклонился ближе.

— Имя.

Чернила остановились. На свитке проступили новые черты. Глеб узнал своё имя прежде, чем Савва перевёл.

— Глеб Воронец.

Ли накрыла имя пластиной, но внизу появилась ещё одна строка.

— Оно меняет порядок, — сказал Савва.

— Дописывает то, чего раньше не было.

— Для человека в списке разница небольшая.

Глеб подошёл ближе.

— Что дальше?

Ли подняла взгляд.

— Тебе нельзя смотреть.

— Оно знает моё имя.

— Имя и свидетель — не одно и то же.

— Если отвернусь, вы решите за меня, что там написано?

Её пальцы задержались на пластине.

— Прочти только необходимое. Не повторяй вслух.

Савва открыл два знака.

— Северная столица.

Под ними проступило второе название.

— Шэнцзин, — сказал он.

За стеной ржала лошадь, которую никак не могли успокоить.

— Что я с ними сделаю? — спросил Глеб.

— Здесь глагол разрушения, — ответил Савва. — Уничтожить или лишить основания. Точнее без всей строки не скажу.

Ли передвинула пластину. На бумаге показались знаки года, луны и дня. Савва пересчитал и проверил снова.

— Девяносто семь дней.

Глеб посмотрел на названия городов.

Во сне над широким мостом горели сторожевые башни. Люди бежали по стене, а под ногами рвалась чёрная бумага. Потом огонь переходил на другой город с тяжёлыми воротами. Сон возвращался три ночи подряд. Глеб считал его остатком чужой памяти и никому не рассказывал.

На свитке появилась башня с раздвоенной крышей. Такую он видел во сне. Глеб отступил от доски.

— Ты знаешь это место? — спросила Ли.

— Нет. Но видел его во сне.

Савва сел на перевёрнутое ведро.

— У нас есть приговор, две столицы и сон, который пришёл раньше бумаги. Не хватает только человека, готового всё объяснить.

Пленный у стены застонал. Боро посмотрела на него.

— Человек есть. Готовности нет.

Ли закрыла изображение башни.

— Свиток нужно сжечь, пока он не закрепил больше деталей.

Глеб глянул на жаровню. Отнести бумагу туда можно было за несколько шагов.

Но сон пришёл раньше. Если сжечь свиток, они потеряют вещь, которая связывала нападение с двумя городами и сроком. Убийцы знали его путь и принесли бумагу ради чтения. Значит, хотели не только убить.

— Не сжигать, — решил он.

— Ты не знаешь, что сохраняешь.

— Поэтому и сохраняю. Если бумага лжёт, найдём, где её написали. Если говорит правду, у нас девяносто семь дней.

— Прочитанное правило может использовать тебя как свидетеля.

— Тогда оно получило, что хотело.

Он нагнулся и взял свиток за край. Чернила под его пальцами потекли вниз, обошли пластину Ли и собрались у нижней кромки. Савва прочёл первые знаки и замолчал.

— Говори.

— Цель прочла приговор.

Следующая строка проступила медленнее. Бумага потемнела там, где её коснулась кровь. Ли убрала руку.

— Первое крыло раскрыто.

Глеб свернул бумагу и вернул её в футляр. За стеной караван-сарая ветер поднял с крыши мокрый снег, а во дворе последний бумажный журавль расправился на грязной соломе.

Глава 2. Почерк мёртвого брата

Кладовую освободили от мешков с просом и заперли изнутри. В щели под дверью тянуло дымом со двора, но здесь хотя бы не ржали лошади и не спорил хозяин караван-сарая, требовавший плату за пробитую крышу. На перевёрнутый ларь поставили лампу, чашу с водой и футляр со свитком.

Ли проверила засов. Боро прошла вдоль стен и ткнула ножом в широкую щель между досками. Из щели исчез глаз мальчишки из прислуги, за стеной зашуршали быстрые шаги.

— Один лазутчик обезврежен, — заметил Савва. — Если остальные тоже не выше моего пояса, к вечеру управимся.

Ли сняла футляр с ларя и положила рядом четыре нефритовые пластины. На первой был вырезан знак границы, на второй — свидетельства. Две остальные оставались гладкими.

Глеб стоял за дверью. Он не вошёл по её просьбе, но уходить отказался. Время от времени снаружи слышался скрип сапога. Он караулил пленного и одновременно караулил их.

Ли коснулась крышки футляра ножом. Кровь Глеба засохла у замка тёмной полосой. Свиток признал его читателем, и теперь неосторожное слово могло расширить правило.

— Сначала договоримся, — сказала она. — Полную строку не произносим. Если знак меняет место, не пытаемся дочитать его по памяти.

— А если память хорошая? — спросил Савва.

— Тогда особенно.

— Наконец нашлась причина считать мою память недостатком.

Боро придвинула к ларю низкую скамью.

— Читай молча и не хвастайся.

Ли открыла футляр. Бумага развернулась на ладонь, затем остановилась. На видимых строках стояли имя Глеба, две столицы и срок. Нижняя фраза о первом крыле исчезла.

Она прижала верхний край пластиной. Чернила поползли вправо. Ли закрепила второй угол, и строки сменили порядок: дата поднялась выше имени, а название Шэнцзина ушло под край свитка.

Савва наклонился к бумаге.

— Он не любит, когда его держат.

— Любит, — сказала Ли. — Поэтому показывает тот порядок, который удобен ему.

Она закрепила третий угол. На гладком нефрите выступила влага. Капля скользнула по её пальцу и потемнела, хотя крови на коже не было.

Ли убрала руку.

— Что произошло? — спросил Савва.

— Пластина приняла след читающего.

— Моего?

— Пока моего.

— Очень любезный документ.

Боро поставила чашу ближе. Ли дождалась, пока вода успокоится, и наклонила свиток над ней. В отражении строки легли иначе. Имя Глеба осталось на месте, но под ним проявился ряд мелких знаков, которых не было на бумаге.

Савва развернул лист чистой ткани и прикрыл половину отражения.

— Вижу условие, — сказал он. — «Если названный прочтёт собственное деяние...»
Дальше знак закрыт.

— Не открывай. Ищи носителя цены.

— Здесь человек с ношей. Рядом знак дороги.

Ли передвинула ткань на ширину пальца. В воде появилась короткая строка. Она шла от имени Глеба не к писцу, а к маленькому знаку глаза — читающему.

Ли положила вторую пластину на край чаши. Под знаком глаза проступили три черты, соединённые одной линией. Они обозначали людей, чьи решения были связаны с дорогой цели.

Савва перестал улыбаться.

— Платит не тот, кто написал.

— Писатель формулирует, — ответила Ли. — Читающий делает запись действительной.

— А остальные?

— Запись использует их как подтверждение. Чем дольше они идут рядом, тем легче вписать их поступки в выбранную линию.

Боро посмотрела на дверь.

— Значит, нас отметили вместе с ним?

— Пока не полностью. Вы слышали пересказ. Глеб прочёл имя и часть приговора сам.

— Отличная новость, — сказал Савва. — Меня ещё не приговорили, но место рядом оставили.

Ли открыла следующий участок отражения. Знаки дрогнули и начали стираться. Она накрыла их пластиной, но два успели исчезнуть.

— Ты прочла неправильно? — спросила Боро.

— Я открыла цену раньше исключения.

— Для бумаги это преступление?

— Для такой бумаги — повод скрыть правило.

Ли сняла верхнюю пластину. Строки на свитке переместились. Теперь имя Глеба стояло внизу. В воде мелкие знаки вернулись в другом порядке.

Печать заставляла читателя идти по нужной последовательности. Ошибка убирала часть смысла и оставляла человеку уверенность, что остальное он понял верно.

Ли взяла узкую полоску бумаги из кармана Боро.

— Это что? — спросила Боро.

— Расписка за корм.

— Хозяин ещё не поставил печать.

— Поэтому и нужна.

Боро удержала полоску двумя пальцами. Ли подвела край свитка к огню. Бумага нагрелась, но не загорелась. Чернила у края побледнели. На пустой расписке проступил знак, который исчез со свитка.

Боро отпустила полоску на ларь.

— Теперь я должна за корм или за две столицы?

— Пока только за корм, — сказал Савва. — Но хозяину бумагу не показывай. Он добавит плату за обе столицы.

Ли отодвинула лампу. Знак на расписке не исчез.

— Если сжечь свиток, строки перейдут на ближайший подходящий носитель. На бумагу с признанным назначением, на реестр или на человека, который прочёл условие.

— Значит, бросить в печь не выйдет, — сказал Савва.

— Выйдет. Только после этого придётся искать, куда ушёл приговор.

Она взяла расписку щипцами и положила в пустой глиняный горшок. Боро накрыла его крышкой и придвинула к стене.

Ли вернулась к отражению. Им требовалось найти того, кому доставалась выгода. На свитке такого знака не было. В воде за строкой цены виднелась пустая рамка, похожая на место для печати чиновника.

— Орден здесь не назван, — сказала она.

— Может, он и есть пустое место? — спросил Савва.

— Пустое место оформлено как запись в реестре. Орден мог принести свиток и заставить Глеба прочесть. Но право на подтверждённую версию получает тот, чьё имя стоит в официальной книге.

Боро нахмурилась.

— Чиновник?

— Учреждение. Или человек, имеющий право заверить запись от его имени.

— Это лучше?

— Нет. Убийц можно перебить, а правило останется законным.

За дверью перестал скрипеть сапог. Глеб слышал.

Ли закрыла рамку тканью и перешла к исключению. Оно пряталось между датой и названием первой столицы. При каждом движении пластины один знак исчезал, другой появлялся. Савва переводил отдельные части, не соединяя их вслух.

— «Носитель меняется... свидетель остаётся». Дальше знак передачи.

— Не передачи вещи, — сказала Ли. — Передачи обязанности.

— Если отдать свиток другому, Глеб останется свидетелем?

— Да. Новый человек станет носителем текста, но прежний читатель не освободится.

Боро опёрлась локтями о колени.

— Тогда для чего нападение? Если им нужен был мёртвый Глеб, проще было стрелять, пока он спал.

— Им нужен был Глеб, который прочитал.

— Живой?

Ли посмотрела на имя в воде.

— Пока да.

Снаружи Глеб постучал костяшками по двери.

— Пленный очнулся. Говорить не хочет.

— Не задавай вопросов об Ордене, — сказала Ли. — На нём может быть запрет.

— Я заметил иглу у его товарища.

Шаги удалились. Савва подождал, затем тихо спросил:

— Ты увидела всё, что хотела?

— Нет.

— Но что-то увидела.

Ли перевернула гладкую пластину. На обратной стороне оставался серый след от чернил. Он выглядел царапиной, пока она не поднесла нефрит к воде. В отражении царапина стала началом знака крыла.

Кисть шла сверху, останавливалась перед поворотом и возвращалась на половину волоса назад. Так учили детей, которым не хватало силы держать линию одним движением. Большинство избавлялось от этой привычки через год. Чанфэн превратил остановку в часть почерка и смеялся, что младшая сестра пишет правильно.

Ли прижала большой палец к краю пластины. Нефрит нагрелся. Под ногтем появилась красная точка. Кровь выступила без пореза и вытянулась к серой черте.

Савва увидел её руку.

— Пластина ранила?

— Нет.

— Тогда убери палец.

Ли отдернула руку. Капля осталась на нефрите и свернулась маленьким знаком рода.

Боро поднялась со скамьи.

— Это знакомая работа?

— Возможно, знакомый способ.

Она сказала правду. Этого было недостаточно, чтобы назвать человека живым. Почерк могли хранить в учебных свитках, копировать по образцу или заставить другого мастера повторить семейную манеру. Но кровь признала связь.

Ли достала из внутреннего кармана узкую пластину, завернутую в ткань. На нефрите была вырезана незавершённая формула для запираания учебных врат. Чанфэн написал её, когда Ли впервые допустили к семейному двору мастеров. Последний знак он оставил ей.

Савва отвернулся к чаше, давая ей сделать выбор без свидетеля. Боро не отвернулась, но не подошла ближе.

Ли положила старую пластину рядом со следом на свитке. Два поворота совпали. Остановка перед крылом была одинаковой. Совпала и короткая обратная черта, которой Чанфэн исправлял движение кисти.

Она проверила третий знак. Совпадение осталось.

Память вернула не лицо брата, а его руку. Пальцы в чернилах, ноготь с трещиной, раздражённое движение, когда она поправляла край бумаги. После него на столе всегда оставалась чёрная дуга. Ли помнила, как сердило её это пятно. Теперь она смотрела на ту же дугу в приговоре Глебу.

— Имя? — спросил Савва.

Ли завернула старую пластину.

— Пока нет.

— Ты не уверена?

— Я уверена в почерке. Не в том, кто держал кисть и когда.

Савва кивнул, но взгляд задержался на свёртке, который она убрала в рукав.

Боро взяла горшок с распиской.

— Куда поставить?

— Подальше от пленного. И не открывай.

— Мне нравится, когда вещи начинают стоять дороже, когда их запретили открывать.

Она отнесла горшок к дальней стене. Ли собрала пластины, оставив одну на свитке. Полностью закрывать текст было нельзя: при следующем открытии строки снова изменили бы порядок. Она закрепила имя Глеба и рамку официального реестра.

— Что скажем ему? — спросил Савва.

— Правило. Цену. Способ передачи.

— И почерк?

Ли завязала футляр шёлковым шнуром.

— Для имени одного почерка мало.

— Для подозрения хватает.

— Подозрение заставит его искать человека, которого мы не доказали.

Савва вытер край чаши тканью.

— А молчание заставит его идти рядом с тобой, не зная, что ты выбираешь направление.

Ли посмотрела на дверь. За ней Глеб снова встал у порога. Он не торопился, но отсутствие стука давило сильнее.

— Я скажу, когда проверю.

— Тогда это будет твой срок, а не его.

Боро вернулась к ларю.

— Он всё равно спросит.

Ли отодвинула засов. Дверь открылась на ладонь, но Глеб не вошёл. На его рукаве засохла чужая кровь. За плечом в коридоре сидел связанный пленный, прикрытый старым одеялом. Глеб поставил ногу так, чтобы тот не видел кладовую.

— Сжигать нельзя, — сказала Ли. — Приговор перейдёт на ближайший признанный носитель. Если передать свиток, ты останешься читающим свидетелем, а новый хранитель добавится к записи.

— Цена?

— На тебе и на людях, чьи решения связаны с твоей дорогой. Пока связь неполная, но она укрепитя, если вы будете действовать по тексту.

— Значит, нападение было неудачным только для нас?

— Они добились главного. Ты прочёл.

Глеб посмотрел на футляр.

— Кто получает выгоду?

— Имя скрыто в официальном реестре. Орден пользуется печатью, но запись заверяет другая сторона.

— Какая?

— Этого на свитке нет. Нужен реестр или его копия.

Он помолчал. Потом перевёл взгляд на её рукав, где лежала сравнительная пластина.

— Что ещё?

— Я нашла признак внутреннего письма мастеров. Его могли скопировать.

— Чьего письма?

Ли не ответила сразу. Этой паузы хватило.

Глеб отступил от двери, но не отвернулся.

— Ли, чьей рукой это написано?

Глава 3. Сон с двумя столицами

К утру снег на крыше потемнел от сажи и множества сапог. Хозяин Кара-Ёла успел поднять туда работников, стражника и племянника, который искал стрелы, чтобы продать их обратно постояльцам. Следы убийц смешались с чужими так плотно, что Глеб сначала увидел лишь вытоптанную полосу от слухового окна до края крыши.

Боро присела у трубы и провела пальцем по черепице. На коже осталась белая крупинка.

— Соль, — сказала она.

— Здесь весь двор солью торгует.

— Торгует внизу. На крышу мешки не носят.

Она растёрла крупинку и показала Глебу тёмное пятно рядом. Сажа лежала поверх соли. Значит, человек прошёл здесь, когда кухонный дым осел на крыше.

Глеб посмотрел к соседнему корпусу. Там работники сбили снег лопатами.

— Хорошо помогли.

— Люди любят убирать следы, когда им обещают плату за порядок.

— Хозяин обещал?

— Нет. Он обещал не брать с них за испорченную черепицу.

Боро пошла по краю ската. Соль попадалась через два-три шага. Убийцы натирали ею подошвы, чтобы не скользить. На восточной стороне крыши крупинки исчезли. Там начинался старый снег, затоптанный ещё до нападения.

За трубой Глеб нашёл короткую чёрную черту. Рядом была вторая, потом третья. Такие метки ставили грузчики, когда считали тюки. Отсюда путь вёл к лестнице во двор.

— Слишком удобно, — сказал он.

Боро кивнула.

— И слишком заметно. Метки старые. Их обновили вчера перед выстрелами.

На нижней перекладине лестницы сохранилась соль. Убийцы ушли не за стену, а спустились во двор, где после боя толпились стражники и торговцы. У стойла лежала сломанная стрела. За ней тянулась дорожка серой пыли.

Боро растёрла пыль между пальцами.

— Бумажная.

Они прошли к воротам. На камнях след исчез, но у водостока застрял обрывок пропуска. Бумага намокла, печать расплылась. На сохранившемся углу стояла та же синяя нить, что и в бумажном журавле. Глеб убрал обрывок за пояс.

Ли осталась в кладовой со свитком. Она сказала, что узнала семейную манеру письма, но имя без доказательства не назовёт. Формально в её словах не было лжи. Глеб хорошо знал этот способ говорить правду: оставить за краем всё, что может изменить чужое решение.

Он промолчал и поднялся на крышу с Боро до рассвета.

— Ты всё время смотришь на башни, — заметила она.

Глеб отвёл взгляд от сторожевой вышки над воротами.

— Проверяю стрелков.

— Стрелков там нет. И крыша не такая.

— Какая?

— Как во сне.

Он посмотрел на неё.

— Савва рассказал?

— Савва умеет хранить тайны. Особенно чужие. Он просто хранит их вслух.

На рынке торговцы сметали снег с прилавков и разжигали жаровни. На верёвках висели дорожные сумки и связки бирок. Глеб опять заметил башню — на вывеске красильщика. Она была нарисована с двумя скатами и длинным мостом внизу.

Во сне мост шёл над чёрной водой. По нему бежали люди, а башня горела изнутри. До вчерашнего свитка Глеб считал этот сон остатком чужого правила после Красного каравана. Теперь любая крыша с раздвоенным верхом тянула его взгляд.

— Не та, — сказала Боро.

— Знаю.

— Тогда идём дальше, пока ты не купил вывеску.

Лавку официальных бумаг нашли у стены. Над прилавком висела дощечка со знаком дороги. Хозяин раскладывал бланки, прижимая их камнями. Один лист унёс ветер, и мальчишка-помощник ползал под скамьёй, пытаясь его достать.

Глеб положил на прилавок мокрый обрывок.

— Такой бумагой торговал?

Хозяин увидел синюю нить и потянулся накрыть бланки тканью.

— Торгую законно.

— Я не спрашивал, законно ли.

— Разрешение у меня есть.

Торговец достал деревянную табличку с печатью городской управы. Печать была настоящей.

— Бумагу получаю со склада, — сказал он. — За каждую связку плачу. Ничего чужого не беру.

Глеб вытащил смятого журавля, найденного утром под навесом. Развернул крыло и приложил к обрывку. Синяя нить совпала, но водяной знак лежал под другим углом.

— Этот лист был больше.

— Конечно. Журавля из целого разрешения не сложишь.

Торговец понял, что сказал, и прикусил губу.

Боро опёрлась ладонью о прилавок.

— Значит, пробовал?

— Я бумагу продаю. Люди складывают из неё что хотят. Один купец сделал шапку, когда дождь пошёл. Шапка вышла плохая, но это не моя вина.

— А убийство вышло лучше? — спросил Глеб.

— Я никого не убивал.

Это было правдой. Торговец не отвёл глаз. Зато его рука легла на нижний ящик.

— Открой, — сказал Глеб.

— Там списанные бланки.

— Поэтому и открой.

Боро взяла с прилавка камень и взвесила на ладони.

— Можем подождать стражу. Она любит закрытые ящики.

— Стража любит содержимое, — буркнул торговец.

Он отодвинул засов. В ящике лежали обрезки дорожных разрешений. На одних печать перечеркнули, на других выскоблили имя. Бумагу продавали для записок и растопки. Глеб нашёл лист с тем же водяным знаком. В центре круга стояла маленькая башня, под ней шла волнистая черта.

— Откуда партия?

— Из городской управы. Списали после смены образца.

— Когда?

— Три дня назад.

— Кто забрал?

— Половину купили караванщики. Остальное ушло вчера.

— Кому?

Торговец развёл руками.

— Человеку с деньгами.

— Полезное описание, — сказала Боро. — По нему найдём до обеда.

— Он был в серой одежде. Лицо обычное.

— Обычных в городе мало.

Глеб поднял бланк к свету. Башня была знаком местного склада, но бумагу изготовили не здесь. По краю шли две мелкие черты, похожие на отметку большого казённого архива.

— Кто принимает списанное со склада?

— Городской писец. Он считает листы, ставит отметку и передаёт мне.

Торговец показал книгу. В ней стояло число листов и подпись писца. Имени покупателя не было: продажу обрезков считали мелкой для отдельной записи.

Глеб купил один бланк. Торговец потребовал плату за целое разрешение.

— На нём нет права проезда.

— Зато есть государственный водяной знак.

— Перечёркнутый.

— Государство от этого дешевле не становится.

Боро бросила на прилавок медную монету.

— Бери, пока он не назначил пошлину за разговор.

У чайного ряда Глеб сравнил обрывок с журавлём. Бумага совпадала по волокну и знаку. Убийцы получили официальные листы в Кара-Ёле и сложили фигурки здесь.

— Значит, знали, где мы остановимся, — сказал он.

— Или подготовились после нашего приезда.

— Нити на крышах закрепили заранее. И выходы знали.

Боро посмотрела на стены караван-сарая.

— Тогда им помогал человек, который видел двор каждый день.

— Или план двора лежит там же, где дорожные бумаги.

Городская управа занимала дом у рынка. Перед входом сидели просители с дощечками. Один купец доказывал стражнику, что его верблюд не может платить дорожный сбор, потому что не умеет считать. Стражник отвечал, что умение считать от сбора не освобождает.

Писец работал в боковой комнате. Он сутулился над столом и держал кисть высоко, чтобы не испачкать рукав. На полках стояли свёрнутые планы дорог. У двери лежала корзина со списанными бланками.

Глеб положил перед ним купленный лист.

— Твоя отметка?

Писец взглянул на подпись.

— Моя.

— Вчера ты передал такую бумагу торговцу.

— Передал всё, что указано в книге.

— Кто приказал списать бланки?

— Образец заменили.

— Почему?

— Старый знак больше не принимают на восточной заставе.

Писец отвечал без пауз. Каждая фраза была правдой и ничего не объясняла. Глеб спросил о журавлях. Писец сказал, что бумажных птиц в управе не держат. При слове «Орден» его кисть остановилась над чернильницей, и капля упала на стол.

Глеб посмотрел на планы за его спиной.

— Мне нужна карта Северной столицы.

— У нас нет такой карты.

Писец сказал это уверенно, а левой рукой придвинулся к нижней полке.

— Тогда карта Шэнцзина.

— Чужакам городские планы не показывают.

— Значит, есть обе.

— Я этого не говорил.

— Рука сказала.

Боро закрыла дверь. Глеб вынул обрывок пропуска.

— Из этой бумаги вчера сделали метки для убийц. Они знали устройство Кара-Ёла. В свитке назвали две столицы. Я хочу понять, почему.

— Я отвечаю за дорожные записи, а не за сны чужеземцев.

Глеб не говорил о сне. Боро чуть повернула голову.

Писец заметил ошибку.

— Про сон кричали утром на рынке. Караван-сарай полон людей.

— На рынке говорили о приговоре. О сне знали четверо.

— Тогда один из них рассказал.

— Ты угадал две столицы, хотя я их не называл.

Писец побледнел и опустил кисть мимо подставки.

Глеб обошёл стол.

— Покажи план.

— У меня нет права.

— А у людей на крыше было право стрелять?

— Это разные дела.

— Бумага одна.

Писец снял со стены ключ. В нижнем ящике лежал старый свиток, края которого потемнели от рук. Он развернул его до середины.

На плане была Северная столица. Глеб узнал её прежде, чем прочёл название. Через широкий канал шёл каменный мост. На дальнем берегу стояла башня с раздвоенной крышей. Во сне она горела, и люди падали с верхней площадки на мост.

— Где это? — спросил Глеб.

Писец указал кистью.

— Северные ворота внутреннего города. План старый. Часть строений перестроили.

— Башня осталась?

— Да.

Боро посмотрела на Глеба.

— Та?

Он кивнул.

Писец начал сворачивать план, но Глеб удержал край.

— Второй город.

— Этого достаточно.

— Шэнцзин.

— Мне запретят службу.

— Если нас убьют, служба у тебя останется. Пользоваться будет неудобно.

Писец достал второй свиток. На нём был старый город с тяжёлыми воротами и стеной у реки. Глеб нашёл двор, который видел во сне: каменную площадку перед башней и крытый мост. Во сне по двору шёл огонь, а над воротами падала чёрная бумага.

Он не мог знать этих мест. В Северной столице не был, до Шэнцзина не добирался, карт раньше не видел.

Фразы из свитка цепляли его внимание после чтения. Но сон пришёл за три ночи до нападения. Значит, первое чтение могло произойти без бумаги в его руках. Текст заранее искал свидетеля или его имя внесли в другую копию.

Глеб отпустил карту.

Глеб хотел вернуться в Кара-Ёл и вывести отряд до закрытия ворот. Теперь уход означал принять путь, который для него оформили. Он свернул карту сам и передал писцу.

— Мы остаёмся, — сказал он Боро. — Найдём склад, приказ о смене бумаги и посыльного.

— Ли об этом знает?

— Узнает.

Боро задержала взгляд на нём, но промолчала.

— Тогда сегодня враги получат лишний день.

— Получат. Зато завтра мы не пойдём по дороге, которую они выбрали за нас.

Решение не нравилось Глебу. В городе оставался пленный, на крышах могли ждать новые стрелки, а за воротами караванный путь быстро заметало снегом. Но бумага привела убийц сюда раньше отряда. Пока источник работал, бегство только переносило нападение к следующей заставе.

— Когда тебе приказали заменить образец разрешений?

— Пять дней назад.

— До нашего приезда.

— Да.

— Кто прислал приказ?

— Восточная застава.

— Покажи.

Писец достал книгу распоряжений. На нужной странице стояла запись о новом водяном знаке. Под ней было пустое место для имени посыльного.

— Не записал? — спросила Боро.

— Он предъявил жетон.

— Жетон умеет сообщать имя?

Писец сжал губы.

Глеб перелистнул страницу. Следующая запись касалась запроса на дорожный пропуск. Чернила были свежими, но дата стояла через два дня. В строке получателя было написано его имя.

Писец быстро накрыл запись ладонью. Глеб отвёл его руку.

— Пропуск ещё не выдан, — сказал писец. — Это только заявка.

— Кто подал?

— Человек пришёл ночью. Показал знак восточной заставы.

— Куда разрешён путь?

Писец указал на строку назначения. Дорога шла к следующей заставе.

— Почему дата будущая?

— Он сказал, что так будет правильно.

— И ты записал?

— Заявка оплачена. Печать настоящая.

— На чьё имя?

Писец посмотрел на открытую страницу и перестал прятать руки.

— На имя Глеба Воронца. Пропуск должны забрать послезавтра утром.

Глава 4. Перевод слова «будет»

Лекарская комната оказалась бывшей баней. В углу стояла низкая печь, стены отсырели, а единственное окно не закрывалось до конца. Савва заткнул щель свёрнутой тряпкой и вернулся к пленному.

Тот лежал на деревянном столе. Руки были привязаны к ножкам, но держать его приходилось не из-за силы. Под кожей у левой ключицы двигалась стальная игла. После каждой попытки заговорить она уходила глубже.

Савва разрезал пропитанную кровью повязку. Шов на боку снова разошёлся.

— Я ведь только спросил, кто тебя нанял, — сказал он. — Обычно от такого вопроса люди врут. Ты решил удивить.

Пленный сжал зубы. Лицо у него было молодое, почти мальчишеское, если не смотреть на шрам у виска.

Глеб стоял у двери. После возвращения из управы он принёс запись о пропуске и плохое настроение, которое не нуждалось в переводе. Ли держалась у стола, но свиток не доставала.

— Ему нельзя произносить имя, — сказала она.

— Это мы поняли по количеству крови, — ответил Савва. — Теперь надо понять, какие слова печать считает именем.

Он промыл рану тёплой водой. Пленный дёрнулся, однако не закричал. Савва наложил новый шов, затянул нить и положил ладонь на грудь раненого. Сердце билось быстро, с пропусками.

— Слушай внимательно. Я не спрошу, кто послал. Я буду спрашивать, что ты делал. Кивок означает «да». Два движения головой — «нет». Если игла ползет дальше, прекращаем.

Пленный посмотрел на Ли.

— Она не поможет тебе умереть, — сказал Савва. — У неё и без тебя дел хватает.

Ли не возразила.

— Вы пришли в Кара-Ёл вчера?

Пленный кивнул. Игла не сдвинулась.

— Подготовили крыши до нашего приезда?

Ещё один кивок.

Глеб шагнул ближе.

— Значит, знали маршрут.

Пленный повернул голову к нему. Под кожей у ключицы дрогнул металл.

— Не говори, — остановил Савва. — Он спрашивает слишком прямо даже тогда, когда молчит.

Глеб отошёл к стене.

Савва продолжил:

— Вы получили план караван-сарая здесь?

Пленный покачал головой.

— План принесли с собой?

Кивок.

— Бумагу для журавлей купили на рынке?

Пленный снова кивнул.

— Свиток написал человек, который был с вами?

Раненый закрыл глаза. Игла поползла к груди.

Савва прижал пальцами кожу перед остриём.

— Вопрос снят. Дыши.

Игла остановилась. На шве выступила кровь, но нить выдержала.

— Получается, о месте он говорить может, о бумаге тоже, — сказал Савва. — Запрет начинается там, где появляется тот, кто составляет список.

— Или организация, — заметил Глеб.

— Организацию мы пока не называли.

Он взял со стола три деревянные бирки и положил перед пленным. На первой нарисовал крышу. На второй — свиток. На третьей — человеческую руку с кистью.

— Покажи порядок.

Пленный посмотрел на бирки, затем коснулся пальцем свитка. После него выбрал крышу. Рука осталась последней.

— Список приходит раньше выбора места? — спросил Савва.

Кивок.

— Потом вы находите цель и готовите нападение?

Кивок.

— А писарь получает сведения после?

Пленный замер. Металл под кожей качнулся.

Савва убрал бирку с рукой.

— Хорошо. Без писаря. Бумага меняется после решения цели?

Пленный кивнул сразу.

Глеб посмотрел на Ли.

— Это совпадает с записью в управе.

— Совпадает, — ответила она.

— Но не объясняет, как запрос на пропуск появился раньше моего решения остаться.

Савва протёр пальцы и проверил шов. Края раны посинели. Пленный терял кровь медленнее, чем час назад, но игла делала любое улучшение временным.

— Может быть, решение было не первым, — сказал Савва. — Ты увидел города во сне до свитка.

— Сон не решение.

— Иногда человек просыпается убеждённым, что должен куда-то идти. Для писца этого может хватить.

Ли придвинулась к столу.

— Или список выбрал путь, который станет естественным после чтения.

Глеб хмуро посмотрел на пленного.

— Тогда они не знают будущее. Они готовят его.

Раненый открыл глаза и попытался что-то сказать.

— Стой, — Савва прижал пальцы к его губам. — Сначала покажи, безопасно ли слово.

Пленный указал взглядом на свиток.

— О списке можно?

Кивок.

— О человеке, чьё имя в списке?

Кивок.

— О том, что он сделает?

Игла не двинулась. Пленный выдохнул:

— Будет.

Голос едва прозвучал, но шов на боку тут же потемнел. Савва перевернул его на бок и подложил под рану сложенную ткань.

— Вот и первое слово. Не слишком полезное, зато дорогое.

Ли наклонилась к пленному.

— Повтори форму без имени и без действия.

Он посмотрел на неё с непониманием.

Савва объяснил на смешанном наречии, которым пользовались купцы на западном пути. Потом повторил вопрос на канцелярском языке, заменив глагол пустым знаком. Пленный прошептал окончание.

Ли резко подняла руку.

— Хватит.

Игла прошла ещё на толщину ногтя. Савва нащупал её через кожу и прижал сбоку, чтобы металл не ушёл к сердцу.

— Теперь объясняй, зачем мы почти убили единственного свидетеля.

Ли взяла кусок угля. На доске у печи она написала два коротких знака. Первый означал завершённое действие в будущем. Второй использовали в приказах, когда человека назначали на должность или роль.

— Он произнёс форму, которая может относиться к обоим, — сказала она.

— В обычной речи?

— В старом канцелярском языке. Сейчас так почти не пишут.

Савва посмотрел на знаки.

— Первый перевод — «совершит»?

— Да.

— Второй?

Ли не ответила сразу. Она стёрла уголь пальцем и написала формулу целиком, оставив место для имени.

— «Назначен совершить».

Глеб оттолкнулся от стены.

— Какая разница для человека, которого потом казнят?

— Для суда небольшая, — сказал Савва. — Для смысла огромная. Одно утверждает, что поступок случится. Второе создаёт роль, в которую человека загоняют.

Пленный слабо усмехнулся. На губах появилась кровь.

— Ты это знал? — спросил Савва.

Тот кивнул.

— Поэтому пришёл убить человека до поступка?

Пленный закрыл глаза.

Игла не двинулась. Значит, вопрос не задел запрет.

Савва сменил ткань под боком. Кровь шла медленнее, но пульс слабел.

— Давай без нравственных речей, — сказал Глеб. — Узнай, где писарь.

— Нравственные речи обычно начинаются, когда люди перестают отвечать на простые вопросы.

— Он умрёт.

— Поэтому я и не даю тебе допрашивать.

Глеб сжал челюсть, но промолчал.

Савва положил перед пленным бирку со свитком и нарисовал рядом маленький глаз.

— Список читают до того, как передают вам?

Кивок.

— Один человек?

Пленный показал два пальца, затем один.

— Несколько читают, но один подтверждает? — уточнил Савва.

Кивок.

— Этот читатель пишет окончательную строку?

Металл снова качнулся. Савва тут же сменил вопрос:

— После чтения свиток запечатывают?

Кивок.

— И вы несёте его цели?

Кивок.

— Цель должна увидеть своё имя?

Пленный прошептал:

— И путь.

Шов лопнул у нижнего края. Савва прижал ткань и велел Глебу держать плечи раненого. Тот дёрнулся один раз и обмяк.

— Я просил без прямых слов, — сказала Ли.

— Он выбрал их сам.

— Потому что ты подвёл его к ответу.

Савва посмотрел на неё.

— В этом и состоит допрос.

— И цена ответа лежит на нём.

— Да. Поэтому я стараюсь сохранить его живым. Но если мы не спросим, следующая цена ляжет на людей в двух столицах.

Ли отвела взгляд к доске. Савва заметил, как её пальцы сжались на краю рукава. Там она прятала пластину с почерком, о котором не сказала Глебу.

Он промолчал. Пока.

Пленный пришёл в себя через несколько минут. Савва дал ему воды с мёдом. Тот сделал глоток и закашлялся.

— Имя писаря, — сказал Глеб.

— Нет, — ответил Савва. — Сначала проверим, может ли он написать.

Ли положила на стол обломок кисти и лист дешёвой бумаги. Пленный увидел их и отвернулся.

— Речь связана с раной, — сказал Савва. — Письмо может пройти.

— А может привести иглу прямо к сердцу, — возразила Ли.

— Поэтому начнём не с имени.

Он развязал правую руку пленного, но оставил ремень на запястье. Пальцы плохо слушались. Савва вложил между ними уголь.

— Нарисуй место, где получил свиток.

Пленный повёл углём. Получилась линия стены и узкие ворота. Потом он добавил три ступени.

Игла не сдвинулась.

— Хорошо. Теперь знак человека, который читал.

Уголь остановился над бумагой. Под ключицей проступила тёмная точка.

— Не имя, — напомнил Савва. — Только должность или роль.

Пленный нарисовал глаз над раскрытым листом. Рядом вывел половину знака крыла.

Ли наклонилась ближе.

— Это не должность.

— А что?

— Место в формуле. Читающий свидетель.

Глеб отпустил плечо пленного.

— Тот, кто делает список действительным.

— Да, — сказала Ли.

Пленный попытался дописать вторую половину знака. Игла рванулась к сердцу.

Савва перехватил его руку.

— Остановись.

Тот ударил углём по бумаге и вывел несколько неровных слов. Каждая черта давалась ему с усилием. Кровь проступила сквозь повязку и потекла на стол.

Ли прочла первую часть и замолчала.

— Что там? — спросил Глеб.

Савва увидел знакомую двусмысленную форму и перевёл сам:

— «Ваш читатель написал вашу дорогу».

— Наш читатель? — переспросил Глеб.

— Или тот, кого вы считаете своим, — сказала Ли. — Местоимение допускает оба смысла.

Пленный поднял глаза на неё. В них появилось узнавание.

Ли заметила это тоже.

— Ты видел человека из моего клана?

Игла ушла под кожу почти целиком. Раненый выгнулся. Савва навалился на него, прижал ладонь к груди и почувствовал металл у самого ребра.

— Назад уже не вытащить, — сказал он. — Если резать, он умрёт от крови.

— Он и так умирает, — ответил Глеб.

— Пока сердце бьётся, это не итог.

Савва сунул под язык пленного горький порошок. Дыхание стало глубже, но ненадолго.

— Слушай меня. Не говори. Не пиши имя. Покажи направление.

Он поставил вокруг листа четыре бирки. Пленный медленно повёл рукой. Палец лёг на восточную.

Боро в комнате не было, но Савва вспомнил второй знак на ладони первого убитого и дорогу за городом. Всё снова вело туда.

— Читающий находится на востоке? — спросил он.

Кивок.

— За следующей заставой?

Пленный покачал головой.

— Дальше?

Кивок.

Глеб склонился над ним.

— В Северной столице?

Пленный не ответил. Игла достигла сердца.

Тело напряглось, затем руки ослабли. Савва ещё несколько мгновений удерживал ладонь на груди, считая редкие удары. Последний оказался слабым и неровным. После него ничего не было.

В комнате стало слышно, как в печи осыпаются угли.

Савва закрыл пленному глаза и снял ремень с запястья.

— Мы могли остановиться раньше, — сказала Ли.

— Могли.

— Тогда он остался бы жив.

— До следующего запрещённого слова. Или до человека, который пришёл бы его убить.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываюсь.

Он вымыл руки. Вода в тазу стала розовой. Глеб стоял над листом с последней фразой.

— Значит, «будет» может означать «назначен совершить».

— Да, — ответил Савва. — Но это должен подтвердить другой переводчик. Я понимаю форму, Ли знает её лучше. Нам нельзя строить весь путь на одном слове.

— А на чём можно?

— На том, что список читают до передачи убийцам. На том, что чтение меняет запись. И на человеке, которого пленник назвал нашим читателем.

Глеб посмотрел на Ли.

— Ты ещё не скажешь, чей почерк узнала?

Она не ответила.

Савва положил мокрую ткань на лист, чтобы кровь не уничтожила последние слова. Недосказанность тоже была действием. Она оставляла другим меньше дорог, хотя выглядела осторожностью.

Он хотел сказать это Ли, но заметил ладонь умершего.

Под кожей проступала чёрная линия. Она вышла из середины ладони, согнулась и образовала половину крыла. Второй край вытянулся к пальцам, обращённым на восток.

Савва развернул руку так, чтобы видели все.

— Первое крыло раскрылось на свитке, — сказал он. — Второе было спрятано в человеке.

За окном ударил колокол восточных ворот. До их закрытия оставалось меньше часа.

Глава 5. Мост, который знает шаг

Восточные ворота Кара-Ёла открыли до рассвета ради соляного обоза. Стражник снял засов, когда приказчик показал дощечку с печатью. За воротами стояли двенадцать вьючных лошадей, на каждой висело по два кожаных мешка.

Ли шла первой. Холод тянулся от реки и быстро пробирался под рукава. Второе крыло на ладони умершего указывало на восток. Этого было мало для доверия к дороге, однако оставаться в Кара-Ёле после запроса на будущий пропуск было ещё хуже.

Глеб держался рядом, не касаясь её. После вопроса о почерке он больше не требовал ответа. Его молчание не означало, что вопрос исчез. Оно оставляло ей меньше времени.

Савва вёл лошадь с лекарскими сумками. Боро замыкала группу и оглядывалась на городские ворота.

— За нами идут, — сказала она.

— Сколько? — спросил Глеб.

— Трое. Делают вид, что им тоже нужна соль.

— Люди после убийства часто хотят есть, — заметил Савва. — Жизнь устроена без уважения к обстоятельствам.

Приказчик обоза велел ему не пугать животных. Савва пообещал говорить только о болезнях, и приказчик попросил его вовсе замолчать.

Дорога вывела к реке. Соляной мост стоял на деревянных опорах между каменными грядами. Лёд у свай ещё не окреп. Доски настила побелели от соли, которую годами просыпали из рваных мешков.

У въезда горела жаровня. Двое стражников проверяли бирки, а на дальнем берегу закрывали створки заставы.

— Быстрее! — крикнул старший. — После обоза мост перекроем. Ветер ломает нижнюю опору.

Приказчик погнал первую лошадь. Ли заметила чёрную линию между досками раньше, чем копыто коснулось настила.

— Стой.

Она перехватила повод. Лошадь мотнула головой и едва не сбила её мешком.

— У меня время считается, — сказал приказчик.

— Тогда не трать его на похороны.

Ли присела у первой доски. На дереве были выведены два знака, почти стёртые солью. Первый обозначал вступившего. Второй повторял его положение. Черта уходила дальше и появлялась у каждой третьей поперечины.

Стражник ткнул копьём в сторону моста.

— Старое клеймо. Тут тысячи прошли.

Ли провела нефритовой пластиной над доской. На краю нефрита выступила капля воды, хотя снег не таял.

— Клеймо нанесли ночью.

Глеб шагнул к мосту, но она подняла ладонь.

— Не входи.

Савва снял с седла грузовую петлю. Ли привязала к ней камень и бросила на первую доску. Потом бросила вторую дальше. Верёвка ударилась о край настила, дёрнулась и легла по следу первой.

Боро потянула конец. Вторая петля повторила изгиб первой и зацепилась за тот же гвоздь.

— Второй идёт по пути первого, — сказала Ли.

С ледяной опоры вылетела стрела. Она ударила рядом со вторым камнем.

Глеб оттолкнул Ли за стойку ворот. Ещё одна стрела прошла над петлёй. Снизу послышался треск льда.

Стражники бросились к жаровне. Старший схватил щит и прикрыл прежде всего себя. На дальнем берегу створки начали закрываться.

Боро подняла лук.

— Двое под мостом. Ещё один у третьей опоры.

— Те трое сзади? — спросил Глеб.

— Остались у поворота. Ждут.

Условие было привязано к порядку входа. Первый выбирал путь. Второго печать заставляла повторить движение, а стрелки знали, куда целиться.

— Проводим животных по одному, — сказала Ли. — Каждое будет первым в своей группе.

Приказчик уставился на неё.

— Лошадь не умеет быть группой.

— Сегодня научится.

Обоз развязали. Первую лошадь провели до середины, и Боро заставила стрелка на опоре пригнуться. Вторая ступила на мост только после того, как первая сошла на дальний берег. Правило не сработало.

— Следующую, — приказала Ли.

Стражник ухватил её за рукав.

— С людьми так не выйдет. Заставу закроют через четверть часа.

— Тогда скажи им не закрывать.

— Отсюда не услышат.

Савва кивнул на жаровню.

— Можно бросить в них уголь. Вежливость слабая, зато заметная.

Глеб снял с седла щит.

— Я пойду первым. Когда сойду, пойдёт Боро.

— Для животных оставили путь. Нас ждут в середине.

— Тогда не давай им времени.

Он вступил на мост, прикрываясь щитом. До второй опоры дошёл без выстрела и остановился у сломанного поручня.

— Теперь я? — спросила Боро.

Ли удержала её. На соли проступил свежий знак. Чёрная черта вышла из-под сапога Глеба и протянулась назад.

— Нет. Они закрепили его как ведущего. Следующим станет второй, даже когда он уйдёт с моста.

С ближней крыши заставы ударил колокол. Дальние створки сошлись ещё на ладонь. Преследователи показались на дороге. Один держал руку у рукава, где прятали иглы и бумажные метки.

— Решай, — сказал Глеб.

Ли достала кисть-клинок. Между знаками порядка и свидетеля был оставлен промежуток. Тот, кто впишет определение, сможет назвать второго.

— Вторым считается человек, признанный свидетелем, — сказала она. — Я добавлю исключение.

— Кого назовём?

— Никого. Пустое место задержит правило на несколько ударов сердца.

Она провела лезвием по большому пальцу и коснулась кровью доски. Черта под ногами Глеба остановилась.

— Идите!

Боро ступила на мост. Савва двинулся за ней, ведя лошадь. Печать пыталась выбрать второго, но пустой знак не давал закрепить человека. Доски под сапогами покрывались чёрными штрихами, которые быстро белели от соли.

Один преследователь метнул складной нож. Глеб отбил его щитом. Нож упал на настил и прилип к следу Боро, повторяя каждый поворот её ноги.

— Даже оружие считают, — сказал Савва.

— Не наступай на него.

— Спасибо. Я как раз собирался подобрать.

Они прошли треть пути. Снизу ударили стрелы. Одна пробила мешок на лекарской лошади. Соль посыпалась на доски и закрыла часть знаков.

Ли шла последней. Пустое место в формуле сжималось. Печать требовала свидетеля и скоро выбрала бы ближайшего.

С левой опоры поднялся человек в маске. На нём был чёрный дорожный плащ без знаков. Он перерезал верёвку, по которой стрелок спускался к воде. Враг сорвался на лёд и проломил корку у свай.

Незнакомец поднял лицо к Ли.

— Свидетель называет себя, — произнёс он на старом языке клана.

Ли остановилась. Эту формулу учили детям до первого выхода во внешний двор. Произношение было старым, с семейным смягчением последнего слога.

— Не называйся.

Незнакомец положил ладонь на опору.

— Я второй.

Пустой знак заполнился. Чёрная линия рванулась к нему и обвила балку. Стрелы сменили направление. Две вошли в дерево рядом с его рукой. Третья ударила под ключицу.

— Идите! — крикнул он.

Глеб повернул назад.

— Оставь его, — приказала Ли. — Он принял условие. Вытащишь сейчас — станешь следующим.

Глеб замер, но доверился её расчёту и пошёл к дальнему берегу.

Боро первой добралась до створок и вставила древко лука в щель. Савва подвёл лошадь, Глеб упёрся плечом в створку. Стражники с другой стороны закричали, что мост закрыт.

— Мы заметили, — ответил Савва. — Откройте, пока ваши ворота не стали частью лечения.

Створка подалась. Глеб протолкнул лошадь на берег и вернулся к краю настила.

Ли оставалась у третьей опоры. Незнакомец висел ниже настила, стрела мешала ему подняться. Под мостом двигался ещё один убийца.

Ли метнула нефритовую пластину. Она прижала верёвку врага к дереву знаком запрета. Верёвка не прошла через отмеченную черту, и убийца сорвался на лёд.

— Поднимайся, — сказала Ли.

— Пока я второй, стрелы идут сюда.

— Я сниму правило.

— Тогда оно выберет тебя.

Он говорил без усилия, хотя кровь текла под плащ. Ли узнала манеру ставить условие прежде просьбы. Чанфэн так объяснял опасность младшим, чтобы отказ показался глупостью.

На дороге появились новые всадники. Приказчик кричал с дальнего берега, что одна лошадь осталась у ворот и без неё он не уйдёт.

Разрубить связующую черту было проще всего. Тогда правило ушло бы в дерево, и мост мог расколоться по всей длине. Поселение жило на привозной соли, а новую переправу до весны не построили бы.

— Мост не ломать, — сказала Ли.

Глеб услышал.

— Что нужно?

— Сбей снег с навеса над заставой.

Он не спросил зачем. Вместе с Боро они ударили по стойкам. Слежавшийся снег соскользнул на мост крупными комьями.

Ли опустилась на колено. Пальцы плохо слушались от холода. Она разрежала ладонь вдоль старого шрама и провела кровью новую черту через знак второго.

Условие требовало того, кто ступит после первого. Она заменила человека предметом, который коснётся следа после названного свидетеля. Правка держалась лишь пока падал снег.

Первый ком ударился о доски. Второй повторил его путь, соскользнул к поручню и принял стрелу. Ещё три кома падали один за другим. Каждый становился вторым, и стрелы били в снег.

— Сейчас!

Незнакомец выдернул стрелу, подтянулся на балке и перекатился на настил. Ли протянула руку, но он бросил ей короткую верёвочную петлю.

— Сними узел после перехода.

Он прыгнул на боковую опору и ушёл по служебной перекладине к берегу, скрытому туманом.

Ли могла приказать Боро преследовать его. Для этого пришлось бы оставить мост с незавершённой правкой. Она выбрала мост.

Последняя лошадь ступила на настил. Комья становились меньше. Ли вела животное за повод и поддерживала кровавую линию. На середине моста пальцы свело. Кисть-клинок выскользнула, ударилась о доску и едва не ушла в реку.

Глеб вернулся и поднял оружие.

— Дай руку.

— Держи повод.

— Ли.

— Коснёшься линии — правило выберет тебя.

Он взял повод и пошёл рядом, прикрывая её щитом. Последняя стрела попала в мешок соли, и белая струя потекла по его сапогу.

Когда лошадь сошла с моста, Ли провела завершающую черту. Печать перешла на остатки снега и погасла вместе с последним комом. Доски остались целы.

Стражники захлопнули створку. На другом берегу преследователи остановились у въезда. Они не ступили на мост, пока Ли держала окровавленную кисть над доской.

Приказчик пересчитал лошадей и обнаружил прорванный мешок.

— Половина соли ушла на мост.

— Зато остальные мешки здесь, — сказал Савва.

— Мне за «зато» не платят.

— Собери с досок. Соль с историей продашь дороже.

Приказчик задумался, и Савва отошёл от него подальше.

Ли попыталась убрать кисть-клинок в ножны. Правая рука дрогнула. Остриё царапнуло край и снова выскользнуло. Она поймала его левой.

Глеб заметил.

— Насколько плохо?

— Пальцы замёрзли.

— Это ответ для стражника.

— Другого пока нет.

Он протянул ей петлю, оставленную незнакомцем.

- Твой человек?
- Он знает формулу клана.
- Этого я не спрашивал.
- Другого доказательства нет.
- Но ты позволила ему уйти.
- Я сохранила мост.
- И надеялась, что он оставит след.

Ли не ответила. Глеб пошёл помогать Боро с лошадьё. В бою он выполнил каждое её указание. Теперь снова проверял её действия отдельно от слов.

Она сжала правую руку, но дрожь не прекратилась. Большой палец почти не чувствовал края узла, а разрез на ладони снова открылся. Савва заметил кровь и потянулся за повязкой, однако Ли спрянула кисть в рукав. До следующей заставы оставалось несколько часов пути. Если враги ударят там, ей придётся писать левой рукой или доверить часть формулы другому человеку. Оба решения были хуже, чем она хотела признать.

Ли разжала петлю. Внутри был спрятан маленький нефритовый узел в форме незавершённого крыла. На обратной стороне стояли два знака.

Так Чанфэн обращался к ней в детстве, когда хотел выманить из семейной библиотеки и показать первый снег. Этого обращения не было в учебных книгах. Его не слышали посторонние.

Пальцы Ли снова задрожали. На этот раз холод был не единственной причиной.

Глава 6. Брат, которого похоронили

Заброшенную почтовую станцию нашли перед темнотой. Низкий дом стоял в стороне от тракта, за занесённым снегом плетнём. Над воротами висела дощечка без надписи. Ветер сорвал краску, но старый знак казённой дороги ещё различался.

Следы вели к конюшне и обратно к дому. Один человек пришёл с востока. Он не скрывал путь. У ворот на снег упало несколько тёмных капель, дальше кровь исчезла.

— Он внутри, — сказала Боро.

— Или хочет, чтобы мы так решили.

Боро присела у последнего следа. Раненый шёл твёрдо, не волочил ногу и успел перевязаться в доме. Незнакомец с моста мог оставить засаду и выйти через пролом, поэтому Глеб обошёл станцию. Задняя дверь вмёрзла в землю, окна были узкими, а целый выход оставался один.

Ли стояла у коновязи, спрятав правую руку под плащом. После моста пальцы у неё дрожали. Савва предлагал перевязать ладонь, но она отложила лечение до тепла. Глеб не стал повторять просьбу. Он передал Савве повод и отправил Боро к сараю, откуда простреливался двор.

— Если выйдет через окно, бери в ногу.

— У него одна ранена?

— Тогда выбери другую.

Савва повёл лошадей под навес и пробормотал, что в их отряде даже милосердие требует точности.

Глеб толкнул дверь. В сенях пахло старой соломой и угольной пылью. Из комнаты падал слабый свет.

Человек сидел у пустой печи. Маску он снял. Лицо осунулось от кровопотери, но спину он держал прямо. Стрела прошла под ключицей. Рану стягивала полоса ткани, а поверх неё лежал лист с печатным знаком.

На полу рядом были сложены меч и короткий лук. В левой руке мужчина держал нефритовую пластину.

— Оружие к стене. Платину положи на рану.

Незнакомец выполнил приказ без спора. Кровь не пошла сильнее. Глеб вошёл, оставив дверь открытой. Мужчина перевёл взгляд к потолочной балке, затем на окно.

— Боро выбрала слабую часть крыши. Снег под левой ногой провалится, если ей придётся стрелять.

За стеной послышалось ругательство. Через несколько секунд Боро переместилась.

Совет мог быть попыткой расположить их к себе, но незнакомец назвал точное место. Он заранее понял, как они расставят людей. Глеб перекрыл дверь и потребовал имя.

Мужчина попросил сначала погасить свет: по тракту шли двое. Глеб прислушался и ничего не услышал. Незнакомец смотрел на чашу у стены. В воде расходились мелкие круги.

Савва прикрыл лучину. Спустя несколько мгновений с дороги донёсся стук копыт. Всадники проехали мимо станции и не свернули.

Когда свет вернули, незнакомец посмотрел на Ли.

— Ты получила узел.

— Его мог вырезать мастер, видевший образец, — ответила она.

— Обращение на обратной стороне знал один человек.

— Он мог умереть, а узел забрали.

Мужчина принял это без возражения. Глеб снова потребовал имя.

— Ли Чанфэн.

Савва перестал раскладывать лекарства. Боро вошла с ножом и закрыла дверь. Ли не двинулась. По её лицу Глеб не понял, поверила ли она. На мосту семейный знак заставил её дрогнуть сильнее, чем живой человек перед ней.

— Мой брат погиб.

— Ты видела закрытые ворота и огонь. Тела не видела.

Чанфэн развязал ворот и оттянул ткань на левом плече. Под ключицей тянулся старый шрам в форме незавершённого круга. Один участок перечёркивали три короткие линии.

Ли достала пластину, которую прятала после Кара-Ёла. На нефрите была вырезана учебная формула. Глеб предупредил, что шрам можно подделать.

— Можно, — сказала Ли. — Отклик крови сложнее.

Она велела Чанфэну положить его пластину на стол. Затем обернула раненую ладонь тканью и взяла нефрит левой рукой. Чанфэн коснулся шрама и произнёс начало детской формулы. Слова говорили о закрытых воротах и ребёнке, которому позволено ждать перед ними. Последнюю строку он оборвал.

На пластине выступила красная черта. Она прошла по вырезанному знаку, пересекла пальцы Ли и остановилась на запястье. Кровь под кожей ответила болью. Ли резко вдохнула, но руку не убрала.

— Заверши.

— Эту часть говорила ты.

Ли произнесла три слова. Красная линия замкнулась и погасла. На шраме Чанфэна проступил тот же знак, затем кожа вернулась к прежнему цвету.

Савва спросил, достаточно ли этого. Ли объяснила: кровь признала общий обряд и человека, который проходил его вместе с ней. Проверка доказывала родство, но не честность.

Она отдала пластину и отступила. Чанфэн не пытался приблизиться. Он доказал право называться братом, но не потребовал прежней близости. Глеб отметил это.

Савва снял бумагу с его раны и поморщился. Знак удерживал кровь в пределах листа, зато бумага прилипла к коже. Пока лекарь размачивал повязку, Глеб наблюдал за руками Чанфэна. Тот не считал припасы и не искал глазами второй выход. Он смотрел на Ли.

— Зачем был мост? — спросил Глеб.

— Чтобы вы приняли восточный путь и нашли меня.

— Мы шли на восток без твоей помощи.

— Вы могли свернуть после заставы. Теперь у вас есть знак, раненый помощник и причина продолжать поиск.

Чанфэн отрицал, что устроил засаду. По его словам, он узнал о ней поздно и вошёл в условие вторым, потому что иначе один из отряда получил бы стрелу. Глеб не услышал явной лжи. Чанфэн действительно принял удар и мог погибнуть. Но готовность рисковать собой ещё не делала его союзником.

Глеб спросил о связи с Орденем Чёрного Журавля.

— Связан.

Боро поднесла нож к его горлу, однако Чанфэн не отстранился. Он объяснил, что стрелки не собирались убивать Глеба до чтения свитка. Они закрывали пути и подталкивали его к нужному движению. Свиток должен был коснуться крови, а цель — увидеть своё имя. После этого убийство становилось допустимым для исполнителей списка.

— Кто составляет списки?

— Не один человек. И не тот, кого вы ищете.

— Ты писал наш свиток?

Ли напряглась ещё до ответа.

— Часть формулы выполнена моей рукой. Имя Глеба и две столицы вписал не я.

— Удобное разделение вины.

— Оно проверяется. Основной слой старше строки с именем. Сестра это видела.

Глеб повернулся к Ли. Она признала, что чернила нанесены в разное время. В Кара-Ёле она сообщила лишь о знакомой манере письма и снова оставила часть знания при себе.

Чанфэн не вмешался. Его молчание сделало паузу заметнее любого обвинения.

Савва закончил очищать рану. Обломка стрелы внутри не осталось, но плечо требовало покоя. Чанфэн спросил, сможет ли идти утром.

— Если не полезешь на мост и не начнёшь спорить с кровью, — ответил Савва. — Руку выше груди не поднимай.

Глеб сел напротив Чанфэна. Между ними лежала нефритовая пластина.

— Ты привёл нас сюда. Говори, чего хочешь.

— Чтобы вы дошли до Северной столицы раньше второго обновления списка.

Чанфэн утверждал, что закрытый свиток продолжал собирать подтверждения. Первое чтение связало запись с Глебом. После этого решения цели могли менять текст через свидетелей и официальные бумаги. Решение искать источник, принятое в Кара-Ёле, попало в дорожный реестр. Переход через мост сделал путь действительным.

Ли спросила, откуда он знает внутренний порядок. Чанфэн ответил, что видел маршрут списков: черновая запись проходила через заставы, подтверждённая уходила в Северную столицу к читателю Ордена.

Имя читателя он отказался назвать на станции. Здесь могли остаться старые слуховые печати почтовой службы. Боро проверила стену ножом и обнаружила за доской бронзовую трубку. Внутри лежала сажа, смешанная с высохшими чернилами.

— Мыши оказались на жалованье, — сказал Савва.

Чанфэн попросил вытащить трубку и бросить в печь. Ли остановила Глеба: разрушение могло сообщить владельцу о проверке. Она закрыла отверстие кусочком ткани и прижала его простой дорожной печатью. Слуховой ход остался цел, но перестал передавать слова до утра.

Глеб вернулся к разговору.

— Мы можем уйти без тебя.

— Тогда на заставе ты получишь пропуск, заказанный на твоё имя. Если примешь его, официальный путь усилит запись. Если откажешься, Орден внесёт отказ как попытку скрыть движение.

— Ты предлагаешь третий путь?

— Старую почтовую линию и пропуск без имени. Я знаю, где его взять. Цена одна: вы берёте меня с собой.

Боро заметила, что торговался он честнее многих купцов. Глеб не согласился. Чанфэн назвал не весь товар и хорошо понимал их разлад.

Чтобы проверить источник его сведений, Глеб спросил, виделись ли они раньше. Чанфэн ответил, что лично не встречал его, но читал записи и письма Ли.

Она резко повернулась.

— Каких писем?

— Тех, которые ты не отправила. Их сняли с пепла внутреннего архива.

По словам Ли, архив сгорел вместе с кланом. Чанфэн ответил, что сохранилась часть внутреннего слоя. Он не стал рассказывать, как получил письма, пока они не выйдут на почтовую линию.

Глеб положил ладонь на стол.

— Что в них было?

Чанфэн предложил спросить о том, чего Глеб не помнил, но что могла подтвердить Ли. Это превращало её в свидетеля против собственного молчания. Глеб видел ловушку, однако всё равно шагнул в неё.

— После Красного каравана я потерял часть памяти. Какую?

Ли попросила не задавать этот вопрос. Чужой рассказ не мог вернуть прожитое. Глеб согласился, но ему требовалось понять, откуда Чанфэн получил сведения.

Чанфэн говорил без нажима. Глеб помнил Ли как мастера, союзника и человека, которому доверял жизнь. Но несколько месяцев между северной школой и Красным караваном сохранились только фактами. Близость исчезла вместе с памятью.

Это Глеб знал. Савва рассказывал осторожно, Боро ещё осторожнее. Ли почти ничего не добавляла.

— Продолжай.

— В придорожном доме у солёного озера вы договорились, что цена памяти касается вас обоих. Ты потребовал, чтобы она не скрывала утрату, даже если правда заставит тебя уйти.

Ли побледнела. Глеб спросил, был ли такой разговор. Она подтвердила.

— Ты говорила мне о нём после каравана?

— Нет.

— Почему?

— После утраты ты стал другим человеком. Я не считала, что ты обязан исполнять обещание, которого не помнишь.

Чанфэн не повысил голоса.

— Ты решила это за него.

Ли велела ему не вмешиваться. Брат ответил, что показывает лишь причину, по которой Глебу нельзя принимать её молчание за защиту.

Злость пришла не из-за рассказа о близости. Глеб не мог оплакать чувство, которого не помнил. Его задел знакомый порядок: Ли видела условие, оценивала цену и оставляла ему ту часть правды, которую считала безопасной.

Он спросил Чанфэна, что ещё она скрыла. Тот отказался отвечать.

— Спроси её сам. Иначе моя правда станет оружием.

Умный отказ не доказывал доброй воли. Зато показывал, что Чанфэн понимал границу и хотел выглядеть человеком, который её не переступает.

Снаружи заржала лошадь. Боро вышла во двор и вернулась через минуту. Двое всадников остановились у развилки. Они не приближались, но и не уходили.

Глеб решил оставить Чанфэна до утра под охраной. Оружие забрала Боро. Нефритовую пластину Ли закрыла в футляре, не касаясь раненой рукой. Чанфэн получил место у дальней стены. Любая попытка выйти без разрешения должна была закончиться стрелой в ногу.

— Теперь порядок разумный, — сказала Боро.

Савва разделил остатки овса между лошадьми. Корма хватало до следующей заставы, если утром они уйдут без задержки. Станция дала им крышу, старый слуховой ход и человека, которого Ли считала погибшим. Всё остальное приходилось нести с собой.

Глеб вышел в сени. Ли последовала за ним. Она обещала объяснить письма и разговор у солёного озера.

— Не сейчас, — сказал он. — Сейчас ты выбираешь, какую правду можешь объяснить.

Он вернулся в комнату. Чанфэн сидел у стены, пока Савва закреплял повязку. Ли остановилась в дверях.

— Есть ещё одна причина, по которой вам нельзя доверять друг другу вслепую, — сказал Чанфэн.

— У нас и без тебя причин хватает.

— Эта принадлежит тебе, Глеб.

Чанфэн смотрел прямо на него.

— Ты уже однажды просил её не решать, какую часть тебя можно оставить.

Глава 7. Правда, отложенная ради него

Комната для путников не отапливалась много лет. От печи сохранился каменный короб, забитый золой и птичьими перьями. Ли поставила на подоконник лампу, закрыла ставню и проверила щель под дверью. Слова могли пройти через слуховую трубку в общей комнате, но здесь старую систему сняли вместе с частью стены.

Глеб вошёл последним. Меч он оставил на поясе. Но Ли всё равно заметила оружие раньше его лица.

Правая рука дрожала после моста. Она спрятала кисть в рукав и встала у окна. Глеб остался у двери. Между ними помещались стол, сломанная скамья и несколько месяцев, которых он не помнил.

— Говори.

Ли приготовила объяснение ещё в общей комнате. Пока Савва менял повязку Чанфэну, она выстраивала факты в порядке, который не должен был причинить нового вреда. Теперь этот порядок казался ещё одним способом управлять разговором.

— После Красного каравана ты сохранил сведения обо мне, — начала она. — Ты знал, что мы были близки. Но само чувство исчезло вместе с памятью.

— Это мне рассказывали.

— Не всё.

— Поэтому мы здесь.

Она сжала пальцы внутри рукава. Кожа на ладони натянулась под повязкой.

— У солёного озера мы обсуждали цену твоих разрывов. Ты сказал, что следующая утрата может коснуться наших отношений. Попросил не скрывать от тебя, если это произойдёт.

— Попросил или потребовал?

— Попросил. Потом мы договорились, что решение останется за тобой.

Глеб подошёл к столу и опёрся ладонью о край.

— Какое решение?

— Остаться со мной после утраты. Уйти. Потребовать время. Ты хотел знать цену прежде, чем сделаешь выбор.

— А после каравана я её не узнал.

— Нет.

Он не спросил, почему. Ждал, пока она скажет сама.

— Ты очнулся после разрыва и не понимал, почему я нахожусь рядом. Прикосновение вызывало у тебя напряжение. Ты принимал помощь, но следил за каждым моим движением. Я решила, что рассказ о прежней близости станет приказом, который оставил тебе человек, уже не существующий в прежнем виде.

— Ты решила.

— Да.

— За меня.

— Да.

Слово далось легче, чем объяснение. Поэтому оно оказалось тяжелее.

Глеб отошёл от стола. В комнате хватало места для трёх шагов, но он прошёл лишь два и остановился у каменного короба.

— Что ещё ты скрыла?

— Письмо, которое написала после твоего пробуждения. Я собиралась объяснить в нём, что случилось между нами. Потом сожгла его.

— Чанфэн сказал, что письма сняли с пепла.

— Я не знала, что внутренний слой архива уцелел.

— Это не ответ.

Ли поправила фитиль лампы. Пламя стало ниже.

— Я скрыла обещание не выбирать за тебя. Не рассказывала о доме у озера. Не говорила, что после утраты ты несколько раз спрашивал, почему я смотрю на тебя так, словно жду узнавания.

Глеб повернулся к ней.

— Ты ждала?

— Первые дни — да.

— Потом?

— Поняла, что память не вернётся.

— И всё равно осталась рядом.

— У нас была общая дорога. На нас охотились. Ты мог ломать печати, которые я не могла переписать.

— Удобная причина.

— Правдивая.

Он кивнул. Ложь он искал не в словах, а в том, как человек после них поступал. Ли знала это и всё равно пыталась заранее выбрать формулировку, которую он примет.

— Рассказала бы ты мне без появления Чанфэна? — спросил Глеб.

Она могла ответить, что собиралась. Такая мысль действительно приходила ей на зимней дороге. Потом она откладывала разговор до безопасного места, до восстановления Глеба, до момента, когда прошлое не будет давить на настоящее. Каждый новый срок выглядел разумно.

— Не знаю, — сказала она.

— Значит, нет.

— Я сказала, что не знаю.

— Ты всегда знаешь, что скрываешь. Сомневаешься только в том, когда это назвать.

Ли промолчала. Глеб подошёл к двери, но не открыл её.

— Я молчала не только ради себя.

— Это должно помочь?

— Нет. Но ты должен понимать риск.

— Я снова что-то должен.

Она достала футляр со свитком. Чанфэн советовал не открывать его на станции, но разговор без предмета превращался в спор о намерениях. Ли положила футляр на стол и сняла шнур левой рукой.

— После первого чтения текст закрепился на тебе. Повтор может усилить выбранную причинность. Если я расскажу утраченные события дословно, печать памяти способна принять рассказ как продолжение прежнего договора.

— Эта печать связана с Журавлём?

— Напрямую — нет. Но обе используют свидетельство. Человек слышит запись о себе, принимает её за часть собственной истории и начинает действовать в заданных пределах.

— Поэтому ты решила не рассказывать.

— Поэтому я боялась повторять слова человека, которым ты был до утраты.

Глеб вернулся к столу.

— Покажи.

Ли развернула свиток лишь на ширину ладони. Имя Глеба оставалось закрыто нефритовой пластиной. Она открыла строку с двумя столицами, но заслонила глагол.

— Не читай вслух.

— Я помню.

— После первого прочтения здесь было сказано, что ты уничтожишь два города. Потом мы решили искать источник бумаги. Текст изменился.

Она сдвинула пластину. Под названием Северной столицы появилась новая короткая строка: цель принимает восточный путь через отвергнутый пропуск.

— Я не принял пропуск.

— Но увидел его в реестре и выбрал другую дорогу. Для печати важен не сам документ.

Она использовала твоё решение как подтверждение пути.

Глеб наклонился ближе. Чернила у края строки потемнели.

— Закрой, — сказала Ли.

Он не отступил.

— Ещё один знак появился.

— Потому что ты повторно увидел условие.

Она накрыла строку. На нефрите выступила чёрная точка и тут же исчезла.

— Значит, знание опасно, — сказал Глеб.

— Да.

— И ты назначила себя человеком, который решает, сколько знания мне оставить.

— Я пыталась не усилить чужое правило.

— Ты могла сказать: «Есть риск. Выбирай». Это и было нашим обещанием?

Ли не ответила. Ответ был очевиден.

Глеб выпрямился.

— Опасность не даёт тебе право молчать.

— Иногда промедление спасает жизнь.

— Иногда. А иногда оставляет человеку один путь, потому что остальные ты от него спрятала.

— Если бы я рассказала тебе всё сразу после каравана, ты мог принять чужое чувство за долг.

— Мог. И это была бы моя ошибка.

— Последствия коснулись бы не только тебя.

— Тогда назвала бы их.

Он говорил спокойно. Гнев можно было переждать, разобрать на причины и снять точным ответом. Спокойный отказ оставлял её перед собственным решением.

Ли свернула свиток и затянула шнур.

— Я не могу вернуть тебе утраченное.

— Я не прошу.

— Рассказ не создаст прежнего человека.

— Я понимаю.

— И я не буду требовать от тебя прежних чувств.

Глеб посмотрел на неё внимательнее.

— Это снова звучит так, словно ты освобождаешь меня от долга, который сама назначила.

Она задержала дыхание, затем кивнула.

— Тогда скажу иначе. Между нами нет обязательства продолжать то, чего ты не помнишь.

Мы остаёмся союзниками, пока оба этого хотим и пока говорим друг другу цену решений.

— Без старых обещаний?

— Они не могут связывать тебя без памяти о согласии.

— А тебя?

Вопрос оказался труднее. Ли помнила дом у солёного озера, его ладонь на своей шее и разговор, после которого впервые позволила себе думать о будущем не как о долге клана. Эти воспоминания принадлежали ей. Но они не давали права требовать ответного чувства.

— Меня связывают мои поступки, — сказала она. — Не твоя утраченная часть.

Глеб принял ответ без благодарности. Это было справедливо.

Он отодвинул скамью и сел. Между ними сохранялась дистанция, но разговор перестал быть попыткой вернуть прежнее. Ли почувствовала облегчение и тут же увидела его цену: близость больше нельзя было считать основанием доверия. Всё придётся подтверждать заново.

В дверь постучали два раза.

— Войди, — сказал Глеб.

Чанфэн появился без меча. Левая рука лежала на перевязи. Правой он держал свёрнутую карту и узкий деревянный футляр. Боро осталась в коридоре.

Брат взглянул на свиток Чёрного Журавля.

— Вы открывали его.

— Решение принимали мы, — ответила Ли. — Теперь твоя очередь назвать цену своего предложения.

Чанфэн положил карту на стол. На ней были отмечены старая почтовая линия и три заставы. У последней дорога раздваивалась: официальный тракт уходил к востоку, заброшенный путь поворачивал к северу.

— В столичную сеть Ордена входят через архив дорожных решений, — сказал он. — Каждая застава хранит копии пропусков. Оттуда списки получают подтверждение движения цели.

— Где вход? — спросил Глеб.

Чанфэн указал на северную ветку.

— Дом переписчиков при монастырском складе. Снаружи там считают зерно. Под нижним полом хранят копии решений людей, внесённых в списки.

— Охрана?

— Два постоянных писца и дорожный отряд. Число людей меняется.

— Откуда ты знаешь?

— Работал с их реестрами.

Ли развернула карту. На краю стояла дата двухлетней давности.

— Ты состоял в Ордене?

— Состоял — неверное слово.

— Тогда выбери верное.

— Я составлял для них сравнительные записи. Проверял, исполнились ли предупреждения.

Глеб усмехнулся.

— Значит, помогал решать, кого убить.

— Иногда помогал решить, кого не убивать.

— Удобно распределённая вина у вас семейная, — сказал Глеб.

Ли почувствовала удар, но не возразила. Чанфэн тоже промолчал.

— Условия, — сказала она. — Ты сообщаешь всё, что знаешь о маршруте. Не меняешь путь без общего решения. Не скрываешь, что запись обновилась. Любая связь с Орденом называется до того, как она повлияет на группу.

— Согласен.

Ответ последовал быстро.

— Ты даже не спросил, кто принимает окончательное решение, — заметила Ли.

— Оно должно приниматься всеми, кого затронет цена.

— Так не говорят люди, привыкшие к приказу.

— Я долго учился говорить иначе.

Глеб посмотрел сначала на него, потом на Ли.

— Вы похожи сильнее, чем хотите признать.

— У нас общий обряд крови, — сказала Ли.

— Я не об этом. Оба считаете опасную правду вещью, которую надо выдавать порциями. Разница пока только в том, что ты призналась после вопроса, а он согласился до него.

Чанфэн спокойно принял замечание. Это насторожило Ли. Он умел уступить форму, чтобы сохранить направление.

— Что ты скрываешь сейчас? — спросила она.

— Имя человека, который заверяет столичные списки.

— Почему?

— Произнесённое здесь имя станет частью слуховой записи, даже если вы закрыли трубку. Старые станции хранят звук в дереве дольше одной ночи.

— Ты мог предупредить раньше.

— Тогда вы не стали бы говорить без проверки.

Ли поднялась. Правая рука отозвалась болью.

— Первое нарушение условия.

— Условие начало действовать, когда ты его назвала.

— Ты согласился слишком быстро, потому что успел оставить прошлое за границей соглашения.

Чанфэн слегка склонил голову.

— Да.

Глеб усмехнулся без веселья.

— Теперь вижу родство и без крови.

Ли хотела выгнать брата из комнаты. Вместо этого велела ему открыть деревянный футляр.

Внутри лежала сложенная копия реестра. Бумага была дешёвой, но строки заверены тремя печатями. В верхней части стояло название небольшого города Шаогуань. Ниже шли даты и донесения о готовящемся нападении на склад оружия.

— Что это? — спросил Глеб.

— Дело, которое Орден считает доказательством своей необходимости.

Чанфэн развернул лист полностью. В последней строке было имя начальника городской стражи. Рядом стояла отметка о смерти за шесть дней до предполагаемого нападения.

— Его убили по списку, — сказала Ли.

— Да. После смерти заговор распался. При обыске нашли оружие и бочки с маслом. Городской квартал не сгорел.

— Сколько людей он собирался убить? — спросил Глеб.

— По расчёту писцов — более трёхсот.

— По расчёту тех же людей, которые назначили его преступником?

— Оружие существовало. Свидетели тоже.

Ли прочла нижнюю приписку. Среди задержанных оказался сын убитого начальника. Через месяц его отпустили: против него не нашли доказательств.

— Они убили отца до нападения, — сказала она. — Сын после этого не возглавил мятеж?

— Нет.

— Значит, список иногда оказывается прав.

— Иногда, — ответил Чанфэн. — Поэтому Орден существует дольше любого своего противника.

Глеб провёл пальцем рядом с печатью, не касаясь чернил.

— Где этот город?

Чанфэн указал на северную дорогу.

— В двух днях пути от монастырского склада. Я предлагаю увидеть место и поговорить с людьми, которые пережили ту ночь.

— Ты хочешь доказать, что одно убийство спасло город.

— Я хочу, чтобы вы знали, что уничтожаете, прежде чем решите уничтожить это.

Он положил реестр в середину стола. Под именем убитого стояла короткая строка: «Одна смерть признана допустимой ценой за сохранение города».

Ли перечитала её один раз. Второй раз не стала.

Глава 8. Девяносто семь дней

Утром снег перестал. Тракт за станцией уходил между низкими холмами. Следы двух всадников, ночевавших у развилки, поворачивали назад, к мосту.

Глеб стоял у ворот, пока Боро проверяла копыта. Лошадь Саввы потеряла подкову, у запасной распухла передняя нога. Корма оставалось на полдня. До действующей станции они доберутся к вечеру, если дорогу не перемело и Чанфэн не ошибся.

Чанфэн разложил карту на перевёрнутой бочке. Ли стояла напротив. Повязка на её ладони потемнела, пальцы ещё плохо сгибались.

Чанфэн ткнул пальцем в развилку на карте. — Есть три пути.

— Когда человек говорит о трёх путях, один ведёт в яму, второй к сборщику пошлин, а третий принадлежит ему, — заметил Савва.

— Можешь проверить каждый.

— Я и яму проверю. Сначала палкой.

Глеб положил рядом городской пропуск. Дата на нём наступала завтра. Если они выйдут на официальный тракт, первая застава будет ждать их.

— Вернуться через мост, уйти на запад и сменить имена, — сказал Глеб.

Чанфэн указал на две заставы за Кара-Ёлом.

— Копии первого списка отправили туда до нападения. Имя можно сменить для стражи, но печать держится за читающего свидетеля.

— Тогда я уйду один. Остальные свернут на юг.

— Запись связала цену с людьми рядом, — сказала Ли. — Расстояние не отменит её, если решение принято ради тебя.

— А если они уйдут по своей воле?

— Проверка на свитке станет новым подтверждением, — ответил Чанфэн.

Глеб не любил ответы, в которых любое действие помогало противнику. Однако будущий пропуск доказал, что сеть работала через настоящих писцов и заставы. Магия лишь закрепляла человеческий порядок.

Боро надела на опухшее место над копытом.

— На юг эта лошадь не дойдёт. Там два перевала. Второй закроется через неделю.

— Обойти?

— Потеряем двенадцать дней. И корм.

Савва заглянул в мешок с овсом.

— Корма осталось на один уверенный разговор. После него лошади начнут возражать.

Чанфэн провёл пальцем по северной ветке.

— Второй путь — искать исполнителей. Можно взять ещё одного живым и выйти на ближайшую ячейку.

— Пленного мы взяли, — сказал Глеб. — Он умер раньше имени.

— Следующий будет защищён иначе. Орден меняет условия после каждой неудачи.

— Зато мы не пойдём туда, куда нас ведёт список.

— Пойдёте. Исполнители получают распоряжения из Северной столицы. Охота закончится тем же направлением, только отнимет срок.

Глеб нашёл на карте Шэнцзин. Если сначала искать ячейки или уходить через перевалы, они не успевали к названной дате. Письмо пройдёт через ту же сеть и попадёт к людям, связанным со списками.

— Третий путь — идти к источнику.

Чанфэн кивнул.

— Через архив дорожных решений. Там узнаем, кто обновляет записи и куда отправлена столичная копия.

— Сколько времени?

— До монастырского склада пять дней. До Северной столицы ещё шестнадцать, если сменим лошадей.

Боро постучала ногтем по карте.

— Для смены нужны пропуска.

— На старой почтовой линии хранится дорожный лист без имени. Его выдавали гонцам после смерти писаря.

— Удобная бумага рядом с человеком, которого считали мёртвым, — сказал Савва.

— Запас запечатан. Вскрытие увидят в столичном архиве через десять дней.

— Значит, получим десять дней до новой погони, — сказал Глеб.

— Меньше. Орден скоро узнает, что вы не приняли пропуск в Кара-Ёле.

Чанфэн отметил на карте две почтовые станции. На первой держали сменных коней для казённых гонцов, но смотритель не выпускал их без медной бирки. Вторая сгорела прошлой весной, и там можно было найти только навес и колодец.

— Медная бирка у тебя есть? — спросил Глеб.

— Была. Её забрали при входе в Орден.

— Тогда первой станции для нас нет.

— Есть, если предъявить письмо о болезни гонца. Савва может составить его без лжи: моё плечо не позволит ехать быстро.

Савва посмотрел на повязку.

— Болезнь у тебя настоящая, письмо получится почти честным. Подозрительное качество для казённой бумаги.

Боро пересчитала расстояние по зарубкам на краю карты. Даже с новыми лошадьми им требовалось пройти зимний участок без остановки. Если задержаться в Шаогуане больше суток, запас до срока уменьшался ещё на три дня из-за обходной дороги.

— Значит, город смотрим быстро, — сказала она. — Или не смотрим вовсе.

Чанфэн возразил: без разговора с жителями реестр останется доказательством только для Ордена. Глеб согласился выделить один день, но лишь после проверки архива. Так путь получил первый предел, установленный ими, а не свитком.

Глеб отошёл от бочки. Запад давал расстояние, но оставлял список действовать. Охота на исполнителей могла принести имена, однако отнимала время. Северная столица была дорогой, которую враг назвал заранее.

— Они хотят, чтобы я туда пошёл.

— Да, — ответила Ли.

— И ты предлагаешь сделать это.

— Я предлагаю идти к месту, где можно изменить правило. Печать постарается стереть разницу и оставить только движение.

— Как?

— Запишет путь, а причину заменит удобной формулировкой.

Чанфэн добавил:

— Поэтому решение нельзя произносить рядом со свитком.

Глеб посмотрел на футляр у Ли.

— А если не принимать решения?

— Тогда решит дорога, — сказала Боро. — К вечеру лошадь встанет. К ночи снег закроет след. Утром нас найдут здесь.

Савва сел на край бочки.

— Сначала решим, кто идёт. Иначе мы опять говорим о людях, как о мешках.

Глеб хотел возразить, что времени мало. В прежних походах он называл путь первым. Теперь любое решение могло вписать остальных в чужой приговор.

— Каждый отвечает отдельно, — сказал он.

— И ты последним, — потребовал Савва.

— Почему?

— Ты умеешь говорить так, что решение начинает звучать приказом. В засаде полезно, за столом мешает.

Боро вернулась к карте.

— Я пойду к архиву. Если Чанфэн меняет путь без объяснения, я связываю его и везу поперёк седла.

— Рана не позволит, — заметил Савва.

— Привяжем удобнее.

Чанфэн склонил голову.

— Принимаю.

— Тебя пока не спрашивали, — сказала Боро.

Савва потёр переносицу.

— Я иду. Печать убила пленного через рану, а я не понял условие вовремя. Хочу увидеть, кто связывает слова с телом. Раненых не бросаем ради скорости.

— Это может стоить срока, — сказал Чанфэн.

— Тогда учтём. Люди портят хорошие планы тем, что продолжают дышать.

Глеб посмотрел на Ли. Она положила левую ладонь на карту.

— Я иду к архиву. Свиток открываем только по общему согласию. Чанфэн сообщает о каждой связи с Орденом до того, как она влияет на путь.

— Согласен, — сказал Чанфэн.

— Моя рука ограничит работу с печатями. Если понадобится формула, часть действий придётся выполнить вам.

— Насколько долго? — спросил Глеб.

— Несколько дней. Возможно, больше.

— Ты говорила, что пальцы замёрзли.

— Я ошиблась в оценке.

— Или отложила правду.

Ли выдержала его взгляд.

— Да.

Вчерашний разговор ничего не исправил сразу. По крайней мере теперь она не прятала признание за объяснением.

Чанфэн снял с пояса футляр.

— Я могу писать вместо неё.

— Нет, — ответили Глеб и Ли одновременно.

Савва поднял брови.

— Союз ещё работает. Пока только в отказе.

— Научим остальных держать границу знака, — сказала Ли. — Ты не касаешься формулы без моего разрешения.

Чанфэн заявил, что идёт, потому что столичная копия приведёт Орден к двум городам. Открытая охота на Глеба означала раскол: одни хотели исполнить приговор, другие — провести его до конца.

— Твоя цена? — спросил Савва.

— Если архив подтвердит, что уничтожение столиц неизбежно, вы позволите мне представить доказательства до нападения на Орден.

— Это право остановить нас, — сказал Глеб.

— Право быть услышанным.

— Оно у тебя и так будет.

Чанфэн посмотрел на Ли.

— Тогда моей ценой станет возвращение туда, откуда я ушёл. После входа в архив Орден узнает, что я жив.

Савва повернулся к Глебу.

— Теперь ты.

Глеб вышел к воротам. Можно было уйти одному и дать остальным шанс оторваться. Ли считала, что связь останется. Чанфэн мог лгать. Но имя Глеба появилось на пропуске до его решения остаться. Враг готовил несколько допустимых путей, и бегство могло быть одним из них.

— Я иду к источнику списков, — сказал Глеб. — До рассвета пятого дня пятой луны мы должны узнать, как снять запись с двух столиц. Если архив окажется приманкой, уходим. Чанфэн остаётся под охраной, пока сведения не подтвердятся.

— Ты назвал срок, — сказала Ли.

— Он есть в свитке.

— Но ты связал его с нашей целью.

Глеб понял ошибку. Он сформулировал решение вслух, рядом со станцией, где дерево могло хранить звук. Футляр оставался закрыт, однако запись могла обновиться через свидетелей.

— Договор принят? — спросил он.

Боро кивнула.

— Тайный приказ лишает права вести того, кто его скрыл.

Ли добавила:

— Ни один участник не решает за группу, если цена касается всех.

Чанфэн подтвердил. Савва нашёл старую дорожную дощечку и соскоблил краску. Каждый поставил простой знак. Ли не добавляла формулу: это была запись согласия, которую можно разорвать без крови.

Боро нарисовала наконечник стрелы. Савва поставил знак лекарской нити, похожий на раздавленного жука.

— Так и задумано, — сказал он. — Редкий жук. Живёт только на важных договорах.

Ли написала имя левой рукой. Чанфэн оставил половину крыла и черту открытого пути. Глеб поставил последнюю отметку.

Они собрали вещи. Боро сняла подкову с хромой лошади и распределила груз. Савва закрепил сумки так, чтобы не давить на плечо Чанфэна. Тот попытался помочь и получил ложкой по пальцам.

— Пациент, который мешает лекарю, платит двойную цену, — сообщил Савва.

— Чем?

— Молчанием.

Перед выездом Ли проверила футляр. Нефритовая пластина под крышкой нагрелась.

— Запись изменилась.

— Не открываем, — напомнила Боро.

Чанфэн подошёл ближе.

— Решение принято. Направление можно проверить на следующей заставе.

Глеб посмотрел на восточный тракт. Если не открыть свиток, они сохраняют договор. Если открыть, узнают, как печать поняла решение. Чанфэн настойчиво советовал ждать. Это могло быть осторожностью или попыткой скрыть строку о себе.

— Мы должны знать, записала ли она пятерых, — сказал Глеб.

— Нас пятеро, — ответил Савва. — Я считал. Дважды.

- Там может быть другой маршрут.
- После чтения он станет сильнее, — сказала Ли.
- Я посмотрю один.
- Это нарушает договор.
- Договор касается общего чтения.
- Он касается решения, цена которого ляжет на всех.

Глеб снял футляр с её седла. Ли не удерживала его повреждённой рукой. Боро положила ладонь на лук, но не вмешалась.

— Ты потребовал согласия и сразу нашёл лазейку, — сказал Савва. — Из тебя выйдет городской писец.

- Если там указана засада, молчание обойдётся дороже.
- Тогда спроси согласие снова.

Глеб не спросил. Он отошёл к стене и открыл крышку.

Свиток развернулся на ширину ладони. На бумаге стояла новая строка:

«Названный добровольно поведёт пятерых на восток к источнику второго списка». Дата изменилась. До пятого дня пятой луны оставалось девяносто пять дней.

— Что там? — спросила Боро.

Глеб назвал текст. Ли подошла и потребовала свиток.

- Ты не имел права открывать один.
- Имел возможность.
- Это не одно и то же.

В Кара-Ёле она молчала, потому что могла удержать правду. Оба называли риск причиной и действовали без согласия другого.

Ли закрыла первую строку пластиной. Ниже проступила вторая. Она прочла её и передала свиток Савве. Тот перестал улыбаться.

Внизу стояла приписка: «Проводником станет тот, кто предал их однажды».

Все повернулись к Чанфэну. Он смотрел на бумагу без удивления.

- Это не доказательство, — сказал он. — Строка предназначена для вас.
- Ожидал? — спросила Боро.
- Ожидал, что список использует недоверие.

Глеб свернул свиток. Текст не называл имени, но проводник в группе был один. Печать получила состав и путь, а вместе с ними — готовую трещину.

- Едем. Чанфэн идёт между мной и Боро. Ни шага в сторону без разрешения.
- А договор? — спросил Савва.

Глеб посмотрел на дощечку с пятью знаками.

— Я его нарушил. Вести буду только до первой станции. Там решим снова.

Боро убрала дощечку в сумку, не ломая. Ли села в седло левой рукой и не попросила помощи.

Они выехали на восточный тракт впятером. Впереди шёл Глеб, за ним Чанфэн под стрелой Боро. Срок сократился на день, хотя прошла лишь одна ночь.

Часть II. Брат без прошлого

Глава 9. Цена возвращённого брата

На второй день дороги ветер усилился. Снег шёл поперёк тракта и быстро закрывал следы. К вечеру лошади начали спотыкаться о скрытые камни, поэтому Боро вывела отряд к старой сторожевой башне. Нижний этаж сохранился, верхняя площадка лишилась половины крыши.

Холод проходил через камень, поэтому дежурить решили парами, сменяясь у огня. Лошадям дали остаток овса, а воду растопили из снега. Чанфэн предложил занять верхнюю площадку, но Боро посадила его у стены: оттуда он не мог уйти незаметно и видел одну бойницу.

Чанфэн назвал место удобным для гостя. Боро ответила, что гостю дали бы скамью, а он пока оставался доказательством с повязкой.

Савва вытряхнул из жаровни мышинное гнездо и заявил, что прежние хозяева съехали без предупреждения. Глеб проверил бойницы. Боро отвела коней под навес и поставила растяжку у входа. Чанфэн помог принести седельные сумки одной рукой, после чего Савва отобрал у него груз.

— Тебе велено беречь плечо.

— Я нёс ткань.

— Сегодня ткань, завтра башню. У раненых быстро растут замыслы.

Ли разожгла огонь. Правая кисть слушалась хуже, чем утром. Она могла удержать чашу, но пальцы дрожали при точном движении. Родовую пластину она достала левой рукой.

Чанфэн заметил нефрит и понял, что проверка продолжится. Ли сказала: родство они подтвердили, теперь требовалось установить, сколько имени осталось брату.

Глеб стоял у бойницы. После нарушения договора на станции он передал право вести Боро. Теперь спрашивал прежде, чем открыть свиток, и говорил меньше.

Ли поставила пластину возле жаровни. На одной стороне был вырезан незавершённый круг семейного обряда. Вторая принимала отклик имени.

— Сядь напротив. Руку положи на камень. Кровь не нужна.

Чанфэн сел.

Ли спросила о дереве у северной стены дома. Чанфэн назвал абрикос и добавил, что тот перестал плодоносить после пожара в соседнем дворе.

Нефрит нагрелся. На гладкой стороне выступила красная линия и замкнулась в круг.

Второй вопрос касался её учебной коробки. Чанфэн вспомнил жука в бамбуковой клетке, которого Ли выпустила в библиотеке. На пластине появилась ещё одна линия.

Савва поднял ложку.

— Хорошая семья. Даже жук получал второй шанс.

Третий вопрос знали только они. В детстве Чанфэн вывел Ли за ворота во время первого снега. Стража закрыла проход, и детей нашли лишь ночью.

— Что ты сказал, когда нас привели домой?

Чанфэн открыл рот и произнёс:

— Проводник принимает путь, если цель подтверждена двумя свидетелями.

Красная линия на пластине оборвалась. Нефрит остыл, на поверхности выступил иней.

Глеб отошёл от бойницы. Он сразу понял, что это не воспоминание. Ли назвала ответ служебной формулой. Чанфэн признался, что не помнит ворот.

Ли повторила вопрос. Он снова назвал условие проводника. Под кожей у его запястья проступил знак крыла.

Савва снял котелок с огня.

— Довольно. Ещё один вопрос — и вместо брата получим дорожную инструкцию.

Ли убрала пластину. В детстве Чанфэн взял всю вину на себя. Теперь на месте признанного решения стояла формула о цели и свидетелях.

Глеб спросил, сколько частей имени отдано. Ли не могла определить это по одному тесту: пластина признала два воспоминания, а третье оказалось заменено. Глеб заметил, что утрата касается ответственности. Чанфэн подтвердил это кивком.

Пластина сравнивала нынешнее имя с тем, которое семья признала в детстве. Если часть имени меняли присягой, нефрит находил чужую формулу на месте утраты. Но он не показывал, отдал ли человек память добровольно и понимал ли цену.

Ли хотела увидеть прежнего брата, но получала лишь отдельные отклики. Связь с родом сохранялась, тело помнило обряд, почерк оставался его. Между этими доказательствами лежали годы службы.

Боро вернулась с улицы и поставила у двери мокрый лук.

— Его имя повреждено?

— Изменено, — ответила Ли. — Это не снимает ответственности.

— Я отвечаю за то, что делал, — сказал Чанфэн. — Даже если не могу восстановить каждое решение.

— Тогда рассказывай то, что можешь доказать, — потребовал Глеб.

Чанфэн развернул рукав. На предплечье тянулись три шрама. Первый принадлежал писарю внутреннего двора. Второй давал право проходить между ячейками. Значение третьего Ли не знала.

— Внутренний проводник, — объяснил Чанфэн. — Он переносит незавершённую запись между архивом и исполнителями.

Ли попросила его провести пальцем по третьему шраму. Когда кожа коснулась края, знак на предплечье потемнел и потянулся к восточной бойнице. Боро тут же закрыла ставню. Глеб спросил о направлении. Чанфэн объяснил, что метка реагирует лишь рядом со служебной дорогой: проводников учили чувствовать архивные линии. Орден мог заметить его, если открыть знак полностью.

Ли заставила его убрать руку. Черта побледнела, но на коже остался след, похожий на свежий ожог.

По документам Чанфэн служил девять лет. Семь он помнил последовательно. От двух оставались приказы, которые он узнавал по собственному почерку, но не мог объяснить, почему подписал.

Он достал полоску кожи с тремя печатями и датами переходов. Последняя метка совпала со шрамом проводника.

Чанфэн начал с первого сохранившегося документа. Его нашли на северной дороге без сознания. В дорожной книге осталось лишь начало личного имени. Орден доставил его в дом переписчиков, где он копировал старые приговоры на новую бумагу.

Ли спросила, знал ли он, что списки ведут к убийствам. Вначале Чанфэн считал их записями проверки: ему показывали дела, где преступление не произошло после смерти цели. Глеб заметил, что способ обучения удобный — сперва показывают спасённых, потом дают кисть.

Через год Чанфэна допустили к черновым спискам. Он сравнивал донесения и искал ошибки. Позже переносил записи между городами.

Ли спросила, сколько людей умерло по его копиям. Чанфэн не знал: итоги от писарей скрывали. Боро заметила, что начальство обычно прячет то, чем хвастаться нечем.

Чанфэн коснулся второго шрама и признался, что однажды изменил запись.

Список касался начальника речной стражи. Тот должен был открыть ворота мятежникам и позволить сжечь склады. Чанфэн узнал, что дочь начальника держали в заложниках, и заменил слова «добровольно откроет» на «будет вынужден открыть». Казнь отложили до проверки.

— Его оставили в живых? — спросил Савва.

— Да. Через пять дней он открыл ворота раньше указанного срока.

В складском квартале начался пожар. Погибло сто восемьдесят два человека. Дочь начальника убили до нападения, но отец узнал об этом после.

Глеб спросил, решил ли он после этого, что Орден прав. Чанфэн ответил: одной жалости недостаточно для изменения списка. Глеб назвал это уходом от ответа, но другого Чанфэн не дал.

Ли знала эту привычку брата. Когда он не хотел давать оценку, возвращался к факту.

Ли спросила, вызвало ли изменение записи пожар. Чанфэн ответил, что ворота открыл человек, а огонь разнесли люди. Сам он дал начальнику время дожить до решения. Виновным брат считал себя в том, что изменил основание без согласия тех, кто нёс цену.

Глеб посмотрел на Ли. Фраза касалась не только старого списка.

Савва разлил кашу по мискам.

— Ответственность лучше обсуждать с едой. Иначе голод начинают принимать за нравственный вывод.

Боро попробовала кашу и потребовала соль. Савва напомнил, что соль осталась на мосту ради торговли с историей.

Ли вернулась к главному и спросила, почему его почерк оказался на свитке Глеба. Основную формулу Чанфэн копировал три года назад для другого списка. Он знал её значение: читающий закреплялся как свидетель будущего поступка. И всё же переписал, потому что тогда считал такое свидетельство способом удержать цель от преступления.

Глеб спросил, удерживало ли. Чанфэн назвал два дела, в которых люди отказались от задуманного после чтения. Приговоры отменили.

Глеб спросил, почему формула вернулась на его свиток. Почерк Чанфэна был признан внутренней сетью и использовался как старший образец, в последние годы — без его ведома.

Ли уловила оговорку и спросила, когда брат перестал работать на Орден. Чанфэн ответил, что такого не говорил.

Боро поставила миску.

— Значит, наш проводник служит тем, кто стрелял в нас.

Чанфэн объяснил, что вышел из внутреннего двора, но присяга осталась. Часть имени, отданная при службе, не позволяла полностью отвергнуть её. Прямой приказ, подтверждённый тремя печатями, мог связать его снова.

— Такой приказ есть сейчас? — спросил Глеб.

— Не знаю. В утраченной части он проявится лишь при исполнении.

Глеб положил руку на рукоять меча.

— Тогда ты опаснее, чем говорил.

— Да.

Он не оправдывался, но безопаснее от этого не становился.

— Зачем тебе столичный архив? — спросила Ли.

— Там проходит второй список.

— Это причина для нас. Твоя цель другая.

Чанфэн посмотрел на родовую пластину.

— Отправь остальных наружу.

— Нет.

— Тогда отвечу тебе позже.

— Условия группы запрещают тайные решения.

— Моя цель касается рода.

Глеб поднялся.

— Раз она влияет на путь, говори при всех.

Чанфэн замолчал.

Ли взяла нефрит.

— До Северной столицы пластина остаётся у меня.

На шраме брата проступила красная черта.

— Тогда в старую башню вы не войдёте.

— Есть другой путь?

— Есть. Он отнимет три дня и потребует чужого пропуска.

Ли прижала ноготь к вырезанному кругу. Ещё одно движение закрыло бы пластину для Чанфэна до нового семейного обряда. Брат не попытался остановить её.

— Без доступа ты не откроешь ни одну нашу печать, — сказала Ли.

— И не найду лист.

— Возможно, это безопаснее.

— Для кого?

Ответа у неё не было. Если запись касалась Глеба, отказ от поиска оставлял Ордену единственную копию.

До срока оставалось девятью четыре дня. Ли не могла легко отдать три.

— Назови цель.

Чанфэн попросил подойти ближе. Глеб возразил, но она остановила его взглядом. Если брат попробует использовать знак, пластина первой покажет движение.

— В архиве хранится лист о крови двоих, — прошептал Чанфэн. — Я должен найти его раньше Ордена.

Нефрит нагрелся в ладони Ли.

— Чьей крови?

— В заголовке сохранились знаки нашего рода и чужого свидетеля.

— Что даёт лист?

— Право соединить две линии имени в одном решении. Или разорвать их. Я видел только ссылку.

— Почему скрываешь от Глеба?

— Второй знак может относиться к нему.

Ли понимала, что эта цель касается всей группы. И всё же тайна давала шанс узнать, зачем брат вернулся и почему Орден связал его почерк с Глебом.

— Если я сохраню тебе доступ, покажешь лист прежде, чем используешь.

— Да.

— И не коснёшься его без меня.

— Согласен.

Ли вернула пластину Чанфэну.

Глеб спросил, что брат сообщил.

— Он ищет семейную запись. Для входа нужна пластина.

Каждое слово было правдой. Глеб услышал неполноту, но требовать остальное не стал.

— Утром решим, остаётся ли доступ у него.

— Решим, — ответила Ли.

Ночью Чанфэн дежурил первым. Глеб сменил его после полуночи. Они не разговаривали.

Перед рассветом родовая пластина нагрелась в кармане Чанфэна. Ли проснулась от боли в запястье: семейный отклик прошёл между ними через башню.

На гладкой стороне нефрита появилась тёмная точка. Она лежала восточнее дороги, за пределами линии на карте. От неё тянулась короткая черта к знаку старой башни клана.

Глеб развернул карту и не нашёл там ни селения, ни заставы.

Боро вышла проверить снег у подножия. Следов вокруг башни не было. Однако точка на нефрите становилась темнее по мере восхода солнца. Она не двигалась и не показывала расстояния. Пластина лишь признавала место, которого не признавали дорожные карты.

— Что это?

Обычная родовая пластина не указывала путь сама. Для такого отклика требовался зов из места, имевшего право на их кровь.

— Точка входа, — сказал Чанфэн. — Или место, где нас ждут.

На карте его не существовало.

Глава 10. Дорога, которая читает путника

Точка на родовой пластине осталась восточнее тракта, но поворачивать к ней сразу не стали. Боро нашла под снегом старую колею, которая вела к первой заставе. Лошади шли тяжело. После полудня ветер стих, и над дорогой показались столбы с казёнными дощечками.

На первой висел приказ о смене зимних пропусков. Под ним прибили новый лист. Глеб заметил знакомую фразу раньше, чем успел отвернуться: «Названный добровольно поведёт...»

Он дёрнул повод. Конь шарахнулся к обочине.

— Что там? — спросил Савва.

— Обычный приказ.

Чанфэн посмотрел на доску и не стал читать вслух.

— Обычный приказ не заставляет человека хвататься за меч.

Глеб убрал руку с рукояти. Раздражение пришло быстро и без причины. Хотелось сорвать лист, найти писца и получить ответ немедленно. Ещё минуту назад он собирался пройти заставу без шума.

Ли подъехала ближе.

— Не смотри на строку второй раз.

— Я и первого не просил.

— Этого ей достаточно.

Глеб снял с седла попону и набросил на доску. Знакомые слова исчезли. Через несколько вдохов злость ослабла. Она не пропала, но снова стала его собственной.

— Значит, копии добрались сюда, — сказал Савва.

— Не копии свитка, — ответил Чанфэн. — Формулировку вставили в приказ. Для большинства это будет обычная строка.

— А для Глеба?

— Напоминание о роли.

Боро придержала край попоны.

— Снимать лист нельзя. За ним расписание смены лошадей.

Глеб хотел разорвать бумагу вместе с доской. Вместо этого отвернулся к заставе.

Застава стояла в каменной теснине. Стража сверяла путников по именам и приметам. На скамье у стены один задержанный доказывал, что нос у него стал шире после простуды.

Начальник заставы взял дорожный лист Чанфэна и долго рассматривал печать.

— Лист без имён.

— Гонец вёз закрытое распоряжение, — сказал Чанфэн. — Состав охраны меняется по пути.

— Тогда покажи бирку гонца.

Чанфэн вынул медную пластинку с обломанным углом. Ли раньше её не видела. Боро тоже. Глеб запомнил новое нарушение, но разбираться у ворот не стал.

Начальник приложил бирку к выемке на столе. Края не совпали.

— Старая.

— Поэтому и действует на старой линии.

— Эта застава новая.

— Дорога старая.

Начальник не оценил ответ. Он приказал снять дорожные маски. У Ли под капюшоном скрывалась повязка на руке, у Чанфэна — рана под ключицей. Савва выглядел лекарем без всякого перевода. Боро назвалась проводницей соляного обоза.

— А он? — начальник указал на Глеба.

Савва ответил раньше Чанфэна:

— Охранник больного гонца.

— Какого больного?

— Того, который считает себя здоровым и потому особенно опасен.

Чанфэн кашлянул. Савва положил ладонь ему на лоб и сообщил, что жар вернулся. Начальник отодвинулся.

— Болезнь заразная?

— Для людей, которые долго задают вопросы, — сказал Савва.

Глеб перевёл это на местное наречие проще:

— Рана загноилась. Нужна смена коней.

Начальник сравнил лицо Глеба с дощечкой розыска. На ней был нарисован мужчина с длинными волосами и шрамом через щёку. Сходство оставалось слабым, но под рисунком стояла знакомая строка о человеке, который поведёт пятерых на восток.

Глеб не читал её целиком. Взгляд всё равно зацепился за два слова. Внутри снова поднялось желание закончить проверку силой.

Чанфэн положил поверх розыска нефритовую пластину. На камне выступил знак внутреннего поручения.

— Группа идёт под мою ответственность.

Начальник заставы изменился в лице. Он перестал рассматривать Глеба и поклонился Чанфэну.

— Почему не показал знак сразу?

— Хотел проверить порядок.

— Порядок соблюдён.

Это было явной ложью, но никто не возразил.

Пропуск выписали на пятерых без личных имён. В строке ответственного писец указал Чанфэна. Глеб прочёл запись через плечо и почувствовал, как меняется положение внутри группы. На дороге решения принимали вместе. Для властей их теперь вёл брат Ли.

За заставой Глеб догнал Чанфэна.

— Откуда бирка?

— Из тайника на сторожевой башне.

— Почему не сказал?

— Она не влияла на путь до ворот.

— Влияла на доверие.

— После свитка на станции ты передал право вести Боро. Я не знал, разрешит ли она использовать знак.

Боро ехала впереди и слышала разговор.

— Разрешила бы, если бы спросил.

— Теперь знаю.

Глебу не понравилось, что Чанфэн признавал правило, когда получал пользу от нарушения.

— На следующей заставе знак не показываешь без общего решения.

— Согласен.

— И пропуск перепишем.

— Тогда нас задержат до утра.

— Значит, задержат.

Ли ехала рядом и молчала. Глеб пользовался знаниями Чанфэна, хотя личным словам Ли искал подтверждение. Бирка открыла ворота, а прошлое нельзя было проверить за несколько минут.

В первом зимнем дворе Савва выдернул сыну хозяина больной зуб и получил за это место в конюшне и мешок овса. Заодно запретил хранить гвозди рядом с лекарскими щипцами.

На стене конюшни висело ещё одно объявление. Текст сообщал о розыске вооружённого чужака. В середине стояла фраза из свитка: «путь к источнику второго списка».

Глеб накрыл лист мешком. Сердце билось быстрее, пальцы тянулись к ножу. Он сел на перевёрнутое ведро и ждал, пока побуждение ослабнет.

Савва устроился напротив.

— До чтения ты хотел ужин.

— И сейчас хочу.

— Сейчас ты хочешь сначала убить писца.

— Писец мог не понимать, что переписывает.

— Хорошо. Значит, улучшение есть.

Ли принесла чашу воды. Глеб взял её сам, не коснувшись её пальцев.

— Насколько это опасно? — спросил он.

— Зависит от числа повторов. Строка не управляет тобой. Она делает один выбор привычнее других.

— Как колея под снегом, — сказал Савва. — Можно свернуть, но лошадь всё время возвращается.

Чанфэн снял объявление со стены, не разрывая, и положил рядом с закрытым свитком.

— Сравни состояние, не текст. До того как увидел строку, чего хотел?

— Поесть и проверить лошадей.

— После?

— Дойти до писца и заставить его назвать источник.

— Это действие полезно печати. Она не внушила чужую мысль, а выдвинула одну из твоих мыслей вперёд.

Глеб попросил Савву пересказать объявление своими словами. Тот сообщил: дорожная стража ищет вооружённого человека, идущего на восток с четырьмя спутниками. Его велено задержать для проверки документов.

Раздражение не усилилось.

— Снова, — сказал Глеб.

Савва повторил короче. Ничего не произошло.

Ли открыла нижний край объявления и показала один служебный знак, не давая прочесть фразу.

— Формулировка привязана к точному порядку слов. Пересказ сообщает факт, но не продолжает запись.

— Значит, на заставе нельзя читать приказы дословно, — сказал Глеб.

— И нельзя заставлять других читать за тебя, — добавил Чанфэн. — Для связанного свидетеля опасно видеть строку. Обычный человек может произнести её без отклика, но станет переносчиком копии.

— Тогда приказ уже разнесли сотни людей.

— Поэтому он оказался на стенах.

Глеб не позволил сжечь объявление. На обратной стороне стояло распоряжение о закрытом перевале. Если лист исчезнет, следующий обоз уйдёт на опасную дорогу. Они закрыли вредную строку полосой ткани и оставили нижнюю часть видимой.

Ночью Глеб проверил вывод: память о фразе раздражала слабее, чем видимая строка. Печати требовалось новое соприкосновение с текстом.

Утром пропуск Чанфэна дал им свежих лошадей. Смотритель не спросил имён. Он записал число путников и поставил знак уполномоченного. Баланс власти закреплялся на каждой бумаге, хотя внутри группы Чанфэн по-прежнему ехал между Глебом и Боро.

Вторая застава стояла у замёрзшего брода. Стража проверяла копыта и брала сбор за каждую лошадь. Начальник потребовал плату и за лекарскую сумку.

Савва открыл сумку.

— Выбирай: платить будет сумка или пиявки внутри.

Начальник отказался от сбора, но велел закрыть крышку.

На доске у брода висела только половина объявления. Верхнюю часть сорвал ветер. Глеб увидел знакомый оборот и остановился раньше, чем прочёл дальше. Боро закрыла лист рукавицей.

— Учишься.

— Медленно.

— Быстро учатся люди, которых не успели предупредить второй раз.

Чанфэн нашёл в книге заставы отметку о передаче копии. Приказ пришёл с востока два дня назад, хотя они выехали со станции позже. Писец указал получателя — третью заставу на подходе к монастырскому складу.

— Нас ждут, — сказал Глеб.

— Ждут описание, — поправил Чанфэн. — Они не знают, какими лошадьми мы придём.

— Зато знают число.

— После твоего чтения на станции — да.

Глеб принял упрёк. Он сам дал записи состав группы.

К третьей заставе они подошли на четвёртый день. До срока оставалось девяносто дней. Ворота были закрыты, перед ними стояли шесть стражников. На башне держали натянутый арбалет.

Начальник заставы вышел с листом в руках.

— Пятеро путников. Один ранен. Одна женщина с перевязанной правой кистью. Остановиться для проверки.

Описание совпало. Чанфэн достал знак уполномоченного, но начальник не поклонился.

— Приказ старше твоего знака.

— Читай основание, — сказал Чанфэн.

Начальник развернул лист к Глебу.

— Сам прочтёт. Тогда решим, он ли это.

Глеб отвернулся.

— Перескажи.

— Приказ требует чтения вслух.

— Требуется от тебя или от меня?

Начальник посмотрел на нижнюю строку.

— От задержанного.

— Тогда сначала назови причину задержания своими словами.

— Ты не указываешь страже.

— Пока я охранник больного гонца. Так написано в пропуске.

Савва поддержал:

— Гонец действительно болен. От долгих речей ему хуже.

Чанфэн кашлянул убедительнее, чем на первой заставе.

Начальник рассердился и поднял лист выше.

— Здесь сказано, что человек с твоим лицом добровольно ведёт пятерых к запрещённому архиву.

Глеб почувствовал лишь обычную настороженность. Пересказ не подтолкнул его к действию.

— Что велено сделать?

— Арестовать до прибытия столичного гонца.

— За преступление?

— За намерение проникнуть в архив.

— Мы едем к монастырскому складу. Это есть в пропуске.

Начальник запнулся. Приказ описывал путь, но не называл совершённого дела. Глеб указал на дату.

— Когда меня должны арестовать?

Начальник прикрыл строку большим пальцем.

— Сегодня.

— Покажи число Савве. Он не связан с формулировкой.

Савва подошёл, прочёл только дату и поднял брови.

— Вчера.

Стражники переглянулись.

Приказ требовал ареста за день до их прибытия. Если исполнить его сегодня, запись не совпадала с собственным сроком.

— Бумагу прислали ночью, — сказал начальник. — Писец мог ошибиться.

— Тогда пусть исправит, — ответил Глеб. — До исправления приказ исполнить нельзя.

Чанфэн приложил контрзнак к печати. Красная черта на приказе потемнела, но не замкнулась. Документ оказался копией без последнего заверения.

— Он не вступил в силу, — сказал Чанфэн.

Начальник заставы понял, что задержит уполномоченного по незаверенной бумаге. Приказал открыть ворота, но потребовал оставить копию пропуска.

Глеб согласился. Отказ только усилил бы подозрение. Пока писец переписывал документ, Боро сменила лошадям подпруги. Ли держалась подальше от доски объявлений.

Они прошли без боя. Приказы остались на месте вместе со сведениями о закрытых дорогах и опасными строками.

За воротами Глеб слышал стук копыт. Из двора выехал молодой гонец с трубкой для приказов.

— В столицу, — сказал Чанфэн. — Начальник сообщает, что мы прошли.

— Догоним? — спросила Боро.

Глеб посмотрел на людей у заставы. Нападение на гонца подтвердило бы розыск и закрыло тракт для всех пятерых.

— Нет. Пусть везёт.

— Тогда нас встретят дальше.

— Встретят в любом случае. Теперь мы знаем, что дословная строка действует сильнее пересказа.

Савва поправил лекарскую сумку.

— Хорошо, когда за полезное знание платит не лекарь.

Гонец уходил быстро. На его спине висела трубка с новым приказом. Глеб успел увидеть дату на бирке: арест назначали на вчерашний день, когда отряд находился в двух переходах от заставы.

Приказ опережал их и ошибался только в одном — они ещё могли выбирать, как на него ответить.

Глава 11. Убийство, спасшее уезд

Жэньхэ начинался с пустого амбара у северных ворот. Дверь стояла открытой, дети собирали просыпавшееся зерно между досками. На стене мелом вывели число выданных мешков. Под ним хозяин лавки приписал, сколько должен управе за прошлую зиму.

Глеб остановил коня у ворот. До срока оставалось восемьдесят девять дней. Гонец с третьей заставы мог обогнать их на несколько часов, поэтому в город вошли по старому проезду для телег. Чанфэн предъявил дорожный лист без имён. Стражник увидел знак уполномоченного и пропустил их.

— Здесь твой пример? — спросил Глеб.

Чанфэн указал на дом с закрытыми ставнями.

— Убитый сборщик жил там. После его смерти открыли казённые амбары.

— А до смерти зерно было?

— Было.

— Значит, голод создали люди, а не зима.

— Зима помогла.

Савва посмотрел на пустой амбар.

— Зима всегда помогает плохому управлению. Работает без платы и не жалуется.

Глеб хотел найти прямую ложь в реестре. Одного ложного числа хватило бы, чтобы разрушить доказательство Чанфэна. Но у ворот стояли женщины с мешками муки, а в чайной раздавали детям жидкую кашу. Уезд выглядел местом, которое перестало умирать быстро.

Боро осталась с лошадьми. Савва пошёл искать кузнеца и корм. Ли и Чанфэн вошли в дом сборщика вместе с Глебом.

Дверь открыла женщина лет сорока. На ней был дорогой халат, перешитый после утраты веса. Она узнала знак Чанфэна и потянула дверь на себя.

Глеб поставил сапог на порог.

— Мы пришли не за имуществом.

— Все так говорят, пока не увидят сундуки.

— Нас интересуют бумаги мужа.

— Их забрала управа.

Чанфэн посмотрел на закрытое окно справа. Женщина заслонила проход плечом.

— В управе лежат отчёты, — сказал он. — Личные книги остались здесь.

— Вы убили его, а теперь хотите исправить записи?

— Я не убивал.

— Ты носишь их знак.

В комнате за её спиной пахло свежим дымом. Печь топили, хотя дом считался пустым. На полу лежала зола от сожжённой бумаги.

— Покажите хозяйство, — сказал Глеб. — Если книг нет, уйдём.

Женщина впустила их после паузы. Назвалась госпожой Жу. Мужа звали Жу Кан. До смерти он собирал зерновой налог в трёх волостях.

В доме сохранилась дорогая мебель, но кладовая была почти пуста. На полке стоял мешок риса. Во дворе снег утоптали между кухней и маленьким сараем.

В сарае нашли сундук с двойным дном. Сверху лежал детский кафтан, ниже — долговые расписки.

— Это личные долги, — сказала вдова. — Они не относятся к сбору.

Ли взяла одну расписку левой рукой. Правая оставалась в повязке.

— Здесь заложен урожай весны, которая ещё не наступила.

— Люди брали зерно.

— Из казённого амбара?

— Из нашего.

Глеб проверил печать. Расписка называла зерно частным, но знак мешка совпадал с уездным клеймом на амбаре.

— Ваш муж продавал казённый запас как свой.

Госпожа Жу прижала ладонь к сундуку.

— Он сохранял порядок. Если раздать всё зимой, весной сеять будет нечем.

— Люди умирали зимой.

— А теперь весной будут есть снег.

Она не лгала в главном. После открытия амбаров семенного зерна стало меньше. Польза убийства не отменяла будущую цену.

На дне сундука нашлась книга с расчётами нового побора. Жу Кан собирался увеличить зерновую долю и ввести плату за проезд к мельнице. Рядом лежал черновик прошения в уездную управу.

— Приказа нет, — сказал Глеб.

— Он готовил прошение, — ответил Чанфэн.

— Готовил. Не получил.

Госпожа Жу вырвала книгу из его рук.

— Муж считал, сколько нужно городу. Он не вводил новый сбор.

— Почему прятали черновик?

— После его смерти любое число называют преступлением.

На столе лежала сломанная палочка для наказаний. Край потемнел от крови.

Убитый не был невинным. Он наживался на голоде и готовил новый побор. Но список вынес приговор за действие, которое ещё не стало приказом.

— Когда передали обвинение? — спросил Глеб.

— За два дня до убийства. Лист прибили к воротам ночью. Утром весь город называл мужа вором.

— Формулировку помните?

— Помню смысл. Читать её вам не стану.

Это была первая разумная осторожность, которую Глеб встретил в Жэньхэ.

Госпожа Жу показала комнату сына. Постель была смята, на стене висел лук.

— Где он?

— У друзей.

— Он собирает людей?

Она отвернулась к окну.

— Он хочет очистить имя отца.

Глеб спросил, есть ли у сына копия обвинения. Вдова ответила, что все копии сожгли. Ли посмотрела на пепел в печи и промолчала.

Перед уходом госпожа Жу потребовала вернуть долговые книги. Глеб оставил их на столе. Чанфэн записал знак казённого зерна на отдельной дощечке.

— Ты нашёл ложь? — спросил он на улице.

— Нашёл человека, которого можно было судить.

— Суд принадлежал его друзьям.

— Это не делает тайное убийство судом.

— Не делает.

Чанфэн не спорил. Глеб ожидал защиты Ордена и получил согласие. От этого доводы брата Ли звучали убедительнее.

Уездный староста встретил их у большого амбара. После смерти сборщика его назначили отвечать за выдачу зерна. Он считал каждый мешок сам.

— Опоздали, — сказал староста. — Сегодня выдачу закончили.

— Нам нужны книги за неделю после смерти Жу Кана, — ответил Глеб.

— Книги любят чиновников. Вы похожи на людей, которые книги портят.

Чанфэн показал знак уполномоченного. Староста поморщился, но открыл дверь.

Пустого места в амбаре было больше, чем зерна. У дальней стены женщина зашивала прорванный мешок, собирая каждое зерно с пола.

Староста принёс книгу выдачи. В ней стояли имена дворов и вес зерна. Ли считала страницы, Савва сверял числа с зарубками на складе. Первые два дня после убийства выдачу заверяли чиновники, прежде подчинявшиеся Жу Кану.

— Почему они открыли амбары? — спросил Глеб.

— Испугались, — ответил староста. — На воротах сборщика нашли знак крыла. На следующий день такой же появился на двери управы.

— Был приказ из столицы?

— Нет. Наместник велел не допустить волнений, но письмо пришло через четыре дня.

Чиновники отдали зерно без разрешения, потому что решили, что следующим убьют одного из них. Страх сработал быстрее приказной цепочки.

Ли нашла ведомость смертей. За неделю до убийства в городе хоронили по тридцать человек в день. После выдачи число уменьшилось втрое. Через две недели голодные смерти стали редкими.

— Эти записи можно подделать, — сказал Глеб.

Староста повёл его за амбар. Там стояли столбы с именами умерших. Первые ряды были тесными. Дальше между столбами оставалось больше места.

— Подделай землю, если умеешь.

У стены женщина раздавала детям лепёшки. Мальчик спрятал половину за пазуху. Староста заметил и не остановил.

Чанфэн не смотрел на Глеба. Он не нуждался в победной реплике. Зерно лежало в руках людей.

— Сколько спасли? — спросил Савва.

— Точного числа нет. В городе около восьми тысяч. До весны могли не дожить две или три тысячи.

— А семена?

— Весной будет трудно. Но живые могут сеять. Мёртвые в этом деле ленивы.

Савва признал довод убедительным.

Ли проверила печать на ведомости. Чернила были обычными. Печать Чёрного Журавля не создавала пищу и не открывала замки. Она убила сборщика, а чиновники сами решили раздать зерно.

Глеб спросил, пытались ли открыть амбары раньше. Староста показал три прошения. Все вернулись без решения. Одно подписали двести жителей. Жу Кан приложил записку: «Выдача создаст беспорядок».

— Он был прав в одном, — сказал староста. — Беспорядок был. Два мешка украли, одного человека затоптали у двери.

— И всё равно продолжили?

— На следующий день поставили очередь.

Убийство сломало страх чиновников перед начальством и заменило его страхом перед Орденем.

Глеб спросил, благодарны ли жители убийцам. Староста ответил, что часть благодарна, часть боится. Семьи должников сожгли расписки. Владельцы запасов считают это грабежом. Город живёт, но спор не закончился.

У ворот амбара собрались мужчины с деревянными дубинками. Впереди стоял юноша в тёмном кафтане. Лицом он походил на госпожу Жу. В руках держал сложенный лист.

— Сын сборщика, — сказал староста. — Жу Вэй.

Юноша потребовал, чтобы чужаки ушли. Глеб заметил под его кафтаном короткий меч. Мужчины за ним держались неуверенно.

— Мы не забираем зерно, — сказал Глеб.

— Вы пришли оправдать убийц моего отца.

— Я пришёл проверить, что произошло.

— Проверили? Люди едят. Значит, отец заслужил нож?

— Нет.

Ответ сбил Жу Вэя.

— Тогда скажи это им.

Глеб повернулся к людям у амбара.

— Жу Кан наживался на казённом зерне и готовил новый побор. За это его следовало судить. Приказа о новом сборе ещё не было. Его убили за будущее действие.

Староста нахмурился.

— Если бы ждали приказа, люди умерли бы.

— Возможно.

Жу Вэй поднял лист.

— Здесь написано, что отец собирался уморить город. Это ложь.

Глеб увидел знакомый порядок знаков и отвёл взгляд.

— Не читай дословно.

— Боишься правды?

— Боюсь чужой формулировки, которую ты повторяешь как свою.

Юноша развернул лист. Ли шагнула вперёд, но Глеб остановил её. Если отобрать бумагу силой, Орден получит новую историю о людях, которым запрещают знать обвинение.

— Перескажи смысл, — предложил Глеб. — Своими словами.

— Мой отец должен был поднять побор. Город отказался бы платить. Он приказал бы запереть амбары. Начался бы бунт.

— Это ты знаешь или лист говорит?

— Я знал отца.

— Тогда зачем тебе лист?

Юноша опустил взгляд.

— Потому что здесь написано, что он сделает.

— Или назначен сделать, — сказала Ли.

— Разницы нет. Его убили.

— Для него разница была, — ответил Глеб. — Для города тоже.

Жу Вэй сжал бумагу.

— Я найду людей, которые составили обвинение. Если не отдадут списки, сожгу дом вместе с писарями.

Мужчины за его спиной зашевелились. Один опустил дубинку.

Глеб сделал шаг.

— Ты назвал преступление, которого ещё не совершил. Теперь тебя тоже можно внести в список?

Юноша побледнел, но лист не опустил.

— Я отомщу.

— Это решение или фраза с бумаги?

Жу Вэй прочёл строку почти шёпотом:

— Сын убитого обратит справедливость против тех, кто вынес приговор.

Чернила потемнели. У края проступил новый знак. Копия обвинения отца приняла слова сына и добавила его в причинную цепь.

Ли подняла нефритовую пластину.

— Сложи лист. Пока знак не завершился.

Жу Вэй отступил.

— Ты хочешь забрать его.

— Хочу закрыть строку, чтобы она не дописала тебе путь.

— Так вы защищали моего отца?

Глеб мог закончить сцену силой за несколько ударов сердца. Боро стояла у ворот и держала лук опущенным. Чанфэн не вмешивался.

— Бумага твоя, — сказал Глеб. — Но не читай её вслух. Сделай копию своими словами и сравни факты. Долговые книги отца лежат дома.

— Ты веришь, что он виновен?

— Верю, что он делал зло. И что Орден не имел права назначать его будущим преступником без суда.

Староста возразил:

— Суд не открыл бы амбары.

— Возможно. Но убийство создало следующего человека, готового сжечь дом.

Глеб указал на Жу Вэя.

Юноша свернул лист. Знак не исчез, но перестал расти. Он спросил Чанфэна, откуда пришло обвинение.

Чанфэн ответил, что не видел передачи. Жу Вэй назвал человека, который принёс лист вдове через день после убийства. Высокий мужчина со шрамом у рта представился писарем внутреннего суда. Он не скрывал имени.

— Какого? — спросил Глеб.

— Цяо Умин.

Пальцы Чанфэна сжались на краю плаща.

Глеб заметил это и запомнил.

Жу Вэй ушёл с листом. Мужчины последовали за ним, но двое остались у амбара помогать грузить зерно.

Староста закрыл книгу выдачи.

— Вы нашли свою правду?

Глеб посмотрел на пустые места между мешками. Убийство спасло людей от голода. Оно же оставило сыну готовую клятву и имя врага.

— Нашёл две, — сказал он. — И обе требуют платы.

Глава 12. Рука, писавшая чужое будущее

Дом переписчиков стоял за последними огородами Жэньхэ. Крыша просела над пустым двором, ворота держались на одной петле. После смерти сборщика здание бросили. На снегу сохранилась дорожка от задней стены к колодцу.

Ли остановилась у ворот. Глеб, Савва и Боро остались в городе. Чанфэн сказал: в доме хранили учебные листы, но войти предложил только сестре.

Ли предупредила, что в случае ловушки Глеб окажется прав. Чанфэн возразил: Глеб и без неё имел основания для недоверия. О доме он промолчал, пока не убедился, что архив не вычистили. Следы у колодца брат назвал чужими.

Он не задержал взгляд и не поправил плащ. Ли не почувствовала лжи, хотя Глеб различал её лучше. Ответ мог быть правдой и оставлять главное за краем.

Чанфэн открыл ворота плечом. Рана мешала ему поднимать левую руку.

— Отойди, — сказала Ли.

— Ты правой рукой её не удержишь.

— Тогда будем стоять снаружи до весны.

Она подперла створку камнем. Чанфэн признал решение хорошим. Раньше он обязательно добавил бы, что сам собирался сделать то же самое.

Внутри пахло обугленной бумагой. Пожар прошёл по верхней комнате и остановился у каменной лестницы. На полу лежали листы, склеенные водой. Чернила расплылись, но нажим кисти сохранился в волокнах.

Ли сняла перчатку с левой руки. Правую не трогала: под повязкой ладонь ныла, два пальца плохо сгибались.

В углу стоял каменный чан для промывки кистей. На дне застыл серый осадок. Ли провела по нему пластиной, но отклика не было: дом хранил следы обычной работы, не действующую печать.

— Где учебные записи?

Чанфэн указал на стол у стены.

Ящик заклинило от сырости. Ли просунула нож в щель и подняла крышку. Внутри лежали связки бумаги, перевязанные почерневшим шнуром. Верхние листы сгорели по краям. Нижние уцелели, потому что ящик залило водой.

На первом листе стояла формула связи между писцом и читающим свидетелем. Ли узнала руку Чанфэна по остановке перед поворотом.

Чанфэн написал формулу в двадцать четыре года, после гибели клана. Он подтвердил это без паузы.

Ли провела ногтем поперёк строки. Бумага сохранила борозду: Чанфэн подбирал форму и повторял её, пока черта не стала устойчивой.

Это не походило на принуждение. Рука работала свободно. Чанфэн сам искал способ связать формулирующего с человеком, который прочтёт запись.

— Ты называл себя простым копиистом.

— Копировал первый год. Потом совершенствовал старое правило.

— Не прячь выбор за ремеслом.

Чанфэн опустил на скамью.

— Эту формулу я выбрал сам.

Ли переложила лист ближе к окну. На полях стояли пометки о слабых местах: свидетель мог отказать от чтения, имя могло быть скрыто пластиной, пересказ не закреплял полный смысл. Чанфэн нашёл решения для двух из трёх препятствий.

— Зачем ты это делал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.